

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

КОЗЛИК АЛЕКСАНДР

Рассказы о милиции
с. 1

КУЗЬМИН АНДРЕЙ

Эхо ушедшей войны
Продолжение
с. 2

ПООЛЬ ВЛАДИМИР

*Секретные операции и
нелегальные разведчики*
с. 6

СЕМЁНОВА ЛЮДМИЛА

Стихи
с. 9

СМИРНОВ ЕВГЕНИЙ

Алло, мы ищем таланты
с. 12

СОЛДАТЕНКО АЛЕКСЕЙ

Угонщики
с. 14

СТОРОЖЕНКО АНАТОЛИЙ

Два письма
с. 24

Памяти М. Ю. Лермонтова КАРПЕНКО АЛЕКСАНДР

*Дуэли не было или Как
помогли компьютерные
технологии*
с. 25

ПЕТРОВ МИХАИЛ

*Смерть Лермонтова:
«Настроение искало объект»*
с. 28

ВЕЭБЕР НАТАЛЬЯ

Слёзы Машука
с. 32

КОЗЛИК АЛЕКСАНДР

Рассказы о милиции

Кража под окнами РОВД

Работаю неподалеку от одного из славных РОВД нашей доблестной милиции. Напротив отдела есть неплохое кафе, куда мы ходим обедать. Сегодня видел такую картину: на стоянке почти у входа в РОВД стоит какая-то иномарка, вроде японская Тойота. Рядом стоит фургончик следственно-оперативной группы (на нем так и написано). Ходят какие-то люди, кто в форме, кто в штатском, что-то делают.

Заинтересовала эта суета, подошел ближе. Услышал вот что: какой-то мужичок оставил свою машину на стоянке у РОВД, благо живет в соседнем доме, а перед его домом место было занято. ПОД ОКНОМ ДЕЖУРНОГО, а также под прицелом двух видеокамер, воры вскрыли машину, унесли магнитола, сняли четыре колонки и GPS-навигатор. При этом РОВД, если я не ошибаюсь, работает круглосуточно, по крайней мере пьяных и хулиганов туда возят 24 часа в сутки точно. Вы еще удивляетесь, что раскрываемость у милиции мала? Я уже нет: если у них под носом можно аккуратно скрутить магнитола и динамики, выломать из панели навигатор, то... Или они сами все это сняли?

Предыстория: Если вдруг находят часть человеческого тела, то по закону уголовное дело по убийству можно возбудить, если без этого «фрагмента» жить невозможно (например, отделенная голова).

Сама история: В одной прокуратуре работал следователем армянин. И вот однажды приходит ему сообщение – обнаружена часть человеческого тела, но какая, не сказали. Приезжает он на место происшествия, а там – мужской половой орган. Недолго думая, армянин выносит постановление о возбуждении уголовного дела. Когда ему попытались объяснить, что вообще-то без данной части тела прожить можно, он категорически ответил: «Мужик без члена – покойник!!!». Так ли уж он был не прав?

Вежливость

В 2002 году мой знакомый отправился с друзьями отдохнуть в Скандинавию. Добирались туда на машине друзей Land

Rover. Так как ехали они отдыхать зимой, то и резина на машине была шипованная. Не буду останавливаться на отдыхе в Финляндии. Дальше их путь лежал через океан на пассажирском судне во Флориду, США.

Первый же полицейский на американской земле остановил их и предупредил об обязательной замене резины. Это предупреждение забыли, ещё не отъехав от полицейского. Следующим блюстителем порядка был афроамериканец. Он их остановил и настоятельно потребовал сменить резину на ближайшей станции. Разговор шел на возможном английском с нашей стороны. Жена владельца машины, сидящая рядом с ним на пассажирском сиденье, небрежно бросила мужу:

– Да пошли ты этого [мав]ра в жопу!!!

Неожиданно, полицейский изменился в лице, достал бланки и выписал ребятам штраф на 2500 долларов. За оскорбление полицейского при исполнении. Оказывается, на его униформе висели микрофон и камера. Когда он разговаривал с иностранцами, беседу ретранслировали в участок, где сидели ребята, знающие языки. Они и должны были перевести разговор. Так получилось и в этот раз. Услышав, куда его посылают и как его называют, полицейский не стал сдерживаться. Поездка в США была понижена в градусах, и намного. Виновница уже ничего не хотела и не просила для себя.

Не знаю, как вам, а у меня из этой истории вывод один – о вежливости не надо забывать, дорогие товарищи.

Отпуск поневоле

Одному оперуполномоченному нашей доблестной милиции предоставили очередной отпуск. Коллеги соответственно правилу, заявили:

– Выставляйся!

Отпускник и пятеро коллег, захватив все необходимое, отправились в гараж виновника торжества. Пришли, выгнали машину на улицу, расстелили на верстаке газету, произнесли первый тост за отпуск! Налили еще. Тут приходит сосед по гаражу и просит отпускника помочь ему разобраться с автомобилем. Отпускник и сосед удалились.

Прошло время, пятеро ментов-коллеги, выпив несколько тостов без хозяйина, стали возмущаться:

— Ушёл — и пропал!

Решили подшутить над ним. Убрали все с верстака, как будто ничего и не было, забрали бутылки, закуску, спустились в погреб, закрыли железный люк и продолжили отмечать отпуск. В это время вернулся хозяин, увидел, что никого нет, решил: «Не дожда-

лись, сволочи! Ушли!». Загнал машину в гараж, наехав колесом на люк погребка, закрыл гараж на все замки и ушел домой. И на следующий день с семьей укатил в отпуск к теще, куда-то в Молдавию, в деревню — на 24 дня!

Когда вернулись, супруга первым делом отправила мужа в гараж, в погреб за продуктами. Теперь напрягите воображение и попытайтесь представить себе, какой стресс он испытал, когда

открыл люк и увидел там черные бородатые рожи! А запах! К счастью, все коллеги-менты выжили. А какой был в управлении шум по поводу исчезновения пятерых оперативников, это заслуживает отдельного рассказа! И это ещё не всё! Вообразите себе их физиономии, когда после того, как все выяснилось, вышел приказ начальника: «Все проведенные в погребу дни считать участникам событий отпуском!»

КУЗЬМИН АНДРЕЙ

(Продолжение. Начало в Вестнике № 5)

Карельский перешеек. Вечер

У бункера стоят и разговаривают Хромов и Шустров.

Хромов: Ну что, успокоился? Ты сам на это напросился. Теперь будешь помогать мне и сделаешь все, что я тебе скажу. Ты меня понял?

Шустров: Да, я тебя понял.

Хромов: Эти тела мы сейчас с тобой сбросим в бункер, незачем им здесь валяться. Давай помогай и улыбайся, теперь ты — богатый человек...

Хромов и Шустров перетаскивают тела копателей ко входу в бункер и сбрасывают их вниз по лестнице. Обнаруженные вещи, которые Шустров собрал у костра, сбрасывают вслед за телами. Хромов закрывает крышку люка и старательно присыпает ее мхом и сухостоем. Затем спускается вниз и ногами разбрасывает остатки костра.

Хромов: Все сделали чисто. Теперь идем обратно, и запомни, что мы ничего не нашли.

Шустров (нервно): Да, я запомнил.

Хромов: Вот и молодец, скоро получишь свою первую долю. Я взял один слиток, отдам через проверенных людей.

Хромов и Шустров осторожно спускаются со склона и направляются в сторону деревни. Хромов теперь идет впереди и, как заправский охотник, ощупывает дорогу слегой Шустрова. Падение в болото его многому научило, да и найденное золото заставляет его аккуратно идти к выходу из леса. Шустров молчаливо идет следом, почти не замечая дороги. Все это приводит к тому, что он сам проваливается в болото. Он не кричит, а молча пытается вылезти из трясины. Хромов бросается к нему на помощь, протягивая палку.

Хромов: Не трепыхайся, а хватайся за палку. Я сейчас тебя вытащу.

С помощи слегой Хромов с трудом вытаскивает Шустрова. Теперь они оба мокрые и перемазанные.

Хромов: Видишь, долг платежом красен. Ты спас меня, и я спас тебя. Теперь

Эхо ушедшей войны

мы, как кровные братья. Хорошо, что вместе в болоте измазались, это подтверждает, что искали и найти не смогли.

Помещение бани. Вечер

В бане собралась большая мужская компания и отмечает день рождения капитана Сеницына. Мужчины выпивают, закусывают и произносят здравицы имениннику. Среди гостей находится капитан Пермьяков. Он уже прилично выпил, поэтому тихо сидит в углу стола. В дверь заглядывает оперативник Котов и знаками просит Пермьякова выйти. Пермьяков, завернувшись в простыню и слегка покачиваясь, идет к выходу. За дверью бани его ожидает довольный Котов.

Пермьяков: Случилось что-то неестественное, если ты появился здесь? Почему я должен постоянно тебя искать на рабочем месте?

Котов: Петр Сергеевич, работаем, как всегда, для выполнения вашего задания. Докладываю, что сегодня мы совместно с Федоровым изъяли две боевые винтовки и ведро патронов. Материал уже зарегистрирован, оружие направлено на экспертизу. Завтра на основании экспертизы дознанием будет возбуждено уголовное дело.

Пермьяков: Молодец, Андрей. Будешь писать сводку, не забудь указать, что изъятие проводилось в ходе совместной операции с отделом Сеницына. Чувствуется в тебе настоящий опер, не то что этот Федоров. Водки выпьешь?

Котов: Спасибо за предложение, Петр Сергеевич, но откажусь. Много работы еще.

Пермьяков машет рукой и направляется продолжать праздник. Войдя в баню, проходит к столу наливает водки и требует предоставить ему слово. Взяв стакан, он обращается к Сеницыну.

Пермьяков: Николай, у меня и моих орлов тебе еще один подарок. Сегодня совместно двумя отделами мы изъяли две винтовки и ящик патронов. Тем самым выполнили указания начальника. Ура!!!

Все находящиеся в бане мужчины вскакивают и поддерживают тост громкими криками «Ура!».

Сеницын: А кто в этом сомневался? Спасибо, друг, не забуду.

Здание бани. Вечер

Котов выходит из бани, на улице его дожидается Федоров.

Котов: Все отлично получилось, Алексей. Доложил, как положено, и вовремя. Можешь считать, что ты уже в отпуске и на море. Пиши рапорт и охлаждай водку.

Федоров: Спасибо, Андрей Валентинович. Вы даже не представляете, что для меня сделали. Побегу домой, надо жену порадовать, а то она уже на чемоданах сидит.

Федоров уходит, а Котов, улыбнувшись ему вслед, идет в отдел милиции.

Отдел милиции. Вечер

Машина ППС въезжает во двор отдела милиции. Водитель Пискунов недоволен — он всю дорогу разговорами и прибаутками пытался выяснить у милиционеров, почему они так долго пропадали в лесу и вернулись все грязные и молчаливые, но все его расспросы разбивались о стену молчания.

Пискунов: Все, приехали. Не хотели со мной разговаривать, идите докладывайте начальству и сами закрывайте заявку.

Хромов, отряхивая с одежды грязь, вылезает из машины и направляется в дежурную часть. Шустров устало садится на лавочку у входа. Пискунов достает из-под сидения ветошь и пытается очистить от грязи задние сиденья машины.

Дежурная часть отдела милиции. Вечер

Дежурный офицер, увидев входящего сержанта Хромова, почти бросается ему навстречу.

Дежурный: Хромов, вы там что, все с ума посходили? Пропали со связи более четырех часов. Я уже тревогу собрался объявлять.

Хромов: Не ворчи, Михалыч. Сам знаешь, что рация в машине на ладан дышит, а наши «пищалки» с болота не берут. Посмотри на нас, какие мы вернулись с поиска.

Дежурный: Да, видок у вас что надо. Что с заявкой, нашли место взрыва?

Хромов: Нет, не нашли. Только в болотине искупались. Закрывай заявку как ложный вызов.

Дежурный: Хорошо, сдавайте оружие и по домам. Новый наряд уже заступил.

Отдел милиции. Продолжение. Вечер

Хромов, довольный своим докладом, выходит из дежурной части и направляется к сидящему на лавочке Шустрову.

Хромов: Все нормально, заявку я закрыл как ложный вызов. Пошли сдавать оружие и приводить в себя в порядок.

Шустров: Как мне сдавать оружие? У меня в обойме двух патронов не хватает. Что делать?

Хромов: Что ж вы, молодые, такие бестолковые, к жизни совсем не приспособленные? Запасные патроны надо иметь всегда. Ладно, седи здесь и жди. Сейчас принесу, у меня есть небольшой запас.

Спустя некоторое время приходит Хромов и передает Шустрову два патрона от ПМ.

Дежурная часть отдела милиции. Вечер

У окна оружейной комнаты Шустров и Хромов сдают оружие и патроны, вставленные в колодки. Дежурный принимает их пистолеты с патронами и взамен выдает карточки. Хромов и Шустров расписываются в журнале и идут в раздевалку.

Хромов: Вот и все. Видишь, серию патронов он не проверил. Теперь при любой проверке можешь все валить на них. Говорить, что все сдал четко, а что творится у них в дежурке, ты не знаешь. Все понял?

Шустров (устало): Да понял я, все понял. Дальше-то что?

Хромов: Иди домой, выпись. И помни: если хоть одна живая душа узнает о том, что мы там нашли, тебе несдобровать.

Хмурый Шустров переодевается и идет домой.

Квартира Федоровых. Вечер

Алексей: Леночка, дорогая, все просто отлично! Андрей Котов – мой напарник и настоящий друг. Мы с ним выполнили все указания, и завтра начальник точно подпишет мне рапорт на отпуск.

Елена: Верится с трудом. Отпускные получишь – и сразу домой, в отпуск едем все-таки. Смотри, много на работе не пей, знаю я ваши проводы. Как начнете, не остановишь...

Алексей: Лена, ну что ты начинаешь. Традиция у нас такая. Я отдыхать буду, а парни за меня работать.

Елена: Я тебе все сказала. Сегодня заказала билеты на самолет. Неужели на

следующей неделе мы будем плескаться в море?

Алексей: Обязательно будем, любимая. Купаться и загорать. Зря, что ли, ты новый купальник купила. А Лариса где?

Елена: В своей комнате делает уроки. Хорошо учится, не в пример тебе.

Алексей проходит в комнату дочери и застаёт ее за учебниками. Подходит и целует в голову.

Алексей: Привет, доченька. Как дела? Чем занимаешься?

Лариса: Привет, папуля, уроки делаю. Немецкий язык. Завтра последний зачет сдавать.

Алексей: Немецкий – это хорошо. Дочка, а ты мне с ним сможешь помочь?

Лариса: Вы теперь на немецком языке на работе будете разговаривать?

Алексей: Не будь язвой, как твоя мама. Крик с кухни Елены: «Учти, дорогой, я все слышу!».

Алексей: Не сомневаюсь. Мы изъяли у преступника тетрадь, а там все на немецком языке. Посмотришь?

Лариса: Хорошо, попробую.

Алексей достает из папки желтую тетрадь, обнаруженную на столе в комнате Фрица, и передает дочери. Лариса внимательно ее рассматривает и пытается перевести текст.

Лариса: Знаешь, папа, здесь много непонятных слов. Возможно, это технические термины. Ну а вообще это записи немецкого офицера Пауля Шранке, который командовал какой-то специальной воинской частью. Здесь есть карты и схемы с обозначениями и датами декабря 1943 года. Извини, это все, чем я могу тебе помочь.

Алексей: Спасибо, дочка, это даже больше, чем я ожидал.

В комнату заходит жена Федорова.

Елена: Значит так, лингвисты. Ужин готов. Два раза разогревать не буду.

Все дружно встают, моют руки и идут за стол.

Центральный парк города. Утро

Хромов идет на встречу с Большаковым, которого знает уже несколько лет. В свое время он помог избежать ему уголовного дела и в дальнейшем использовал его для сбыта мелких ценных вещей, которые отбирал у задержанных. Большаков ждет его на скамейке и курит. Хромов молча присаживается рядом с ним.

Хромов: Здравствуй, Болек. Давно не виделись. Как дела, как бизнес?

Большаков: Ты же знаешь, начальник, что дела у прокурора. Есть что-то на продажу? Давай. Только предупреждаю: теперь моя доля – 10%. Сбывать становится все труднее и опаснее, твои коллеги все точки приема позакрывали.

Хромов: Хорошо, 10 так 10. Я тебе доверяю, но предупреждаю: это дело будет трудное и опасное. Смотри.

Хромов достает из внутреннего кармана вещь, завернутую в тряпку, и разворачивает. При виде слитка золота у Большакова округляются глаза. Хромов заворачивает золото и убирает в карман.

Хромов: Только учти, за мной стоят серьезные люди. Если выкинешь фортель, тебе несдобровать.

Большаков: Ладно-ладно. Если мои 10% учтешь, буду работать не за страх, а за проценты.

Большаков громко смеется и продолжает.

Большаков: Давай завтра на этом же месте. Знаю одного барыгу, у него деньги точно есть.

Хромов: Хорошо, давай завтра. Только учти, эту вещь ему оставлять не будешь. Понял меня?

Большаков утвердительно кивает.

Хромов встает и, осторожно оглядываясь, уходит из парка.

Телефонная будка в окрестностях парка. Утро

Большаков бросает недокуренную папиросу, достает монету, идет к телефонной будке и набирает номер.

Большаков: Здравствуйте, Абрам Иосифович, это ваш знакомый Болек беспокоит.

Шульман: Здравствуйте, молодой человек. Хотите чем-то порадовать старика?

Большаков: Есть интересный товар. Готов поднести в удобное для вас время.

Шульман: Если вас устроит завтрашний день, я к вашим услугам. В 11.00. Ради бога, прошу только не опаздывать.

Большаков: Договорились, буду без опозданий.

Отдел уголовного розыска. Советание. Утро

В кабинете начальника уголовного розыска собираются сотрудники. Федоров пришел первым с рапортом об отпуске и сразу положил его на стол начальника. Пермяков сидит за столом и внимательно изучает документы. Лицо хмурое, видимо, сказывается вчерашняя баня. Входят Котов и Мичуров и садятся на свои места. Все готовы слушать начальника. Пермяков отодвигает документы и хмурым взглядом окидывает прибывших.

Пермяков: Ну что, «красавцы», в очередной раз подставили своего начальника? Что смотрите удивленно? В первую очередь это касается вас, Котов и Федоров. Читаю заключение экспертизы: «Винтовки Мосина не признаны огнестрельным оружием ввиду отсутствия у последних частей ударного механизма. Патроны различного калибра не признаны боевыми вследствие замены в них пороха на строительный песок».

Котов: Петр Сергеевич, ну мы-то откуда могли знать? Мы же не специалисты...

Пермяков: Да, ты не специалист. Подскажи мне тогда, кто в акте изъятия оружия записал понятым Игнатюка? Ты, наверное, забыл, что этого бандита убили при задержании два года назад? И покоится он на городском кладбище. Забыл, а начальник наш почему-то вспомнил...

Котов: Петр Сергеевич, вы же знаете тот поселок, где проводили изъятие, там понятых днем с огнем не найти.

Пермяков: Конечно, Андрей, я понять тебя могу. А кто сможет понять меня и выдержать все то, что я с Синециным выслушал сегодня от Мирошниченко? Думаю, что никто. Значит так, Федоров, как я тебе и обещал, в отпуск ты пойдешь зимой.

Пермяков хватает со стола рапорт Федорова, рвет его и бросает в корзину для бумаг.

Пермяков: Дальше. Котов и Федоров продолжают проверку лиц, связанных с оборотом оружия. Если в течение 10 дней не будет результата, оба получите служебное взыскание – несоответствие занимаемой должности со всеми вытекающими последствиями. Мичуров с учетом своей должности старшего оперуполномоченного по делам несовершеннолетних отправляется в ИДН, где окажет практическую помощь инспекторам. Там задержали подростка с двумя противотанковыми минами. Каждое утро жду от вас доклады по поставленным задачам. Все свободны.

Пермяков снова погружается в изучение документов, давая всем понять, что совещание закончено.

Инспектора встают и выходят из кабинета Пермякова.

Кабинет инспекторов уголовного розыска. День

Федоров заходит в кабинет, еле передвигая ноги, с бледным, как бумага, лицом. Подходит к своему столу и почти падает на стул, стоящий рядом с ним.

Котов: Алексей, только спокойно. Саша, у тебя заначка есть? Неси быстрее, а то его сейчас удар хватит.

Мичуров выбегает из кабинета и через несколько минут возвращается с бутылкой водки. Котов открывает бутылку и, налив немного в стакан, заставляет Федорова выпить.

Федоров: Андрей Валентинович, это катастрофа. Вы просто не представляешь, что будет дома, когда об этом узнает моя жена.

Котов: Надо взять себя в руки и поработать. Вспомни старый оперативный принцип – удача всегда идет навстречу тому, кто ее ищет. Мы знаем, что и где искать. Надо только постараться.

Мичуров: Я побежал в инспекцию. Кто меня будет искать, я там.

Мичуров забирает бутылку водки и выходит из кабинета.

Квартира Шустрова. Утро

Максим лежит в постели, с головой укутавшись в одеяло. Мать ушла в магазин за продуктами. В комнату входит отец.

Отец: Максим, что случилось? Почему ты до сей поры валяешься в постели?

Максим: Прошу, папа, оставь меня в покое, я не готов сейчас разговаривать.

Отец: Максим, немедленно встань и умойся. Жду тебя на кухне. За завтраком поговорим.

Максим, дождавшись, когда отец выйдет из комнаты, встает и заправляет кровать. Затем идет в ванную комнату, где некоторое время стоит под холодным душем. Почистив зубы и побрившись, Максим выходит на кухню. Отец сидит за столом, на столе стоят две чашки чая и сковородка с дымящейся яичницей. Максим садится за стол и начинает есть. Отец пьет чай, дожидаясь, когда Максим закончит завтракать.

Отец: Максим, мне казалось, что между нами всегда были доверительные дружеские отношения. Я никогда не давал тебе повода усомниться в них. Что произошло? Расскажи. Я всегда смогу тебе помочь, сынок, ты же знаешь.

Максим: Прости, отец, но только не в этот раз. Дай мне несколько дней, я хочу сам осмыслить произошедшее. Обещаю все рассказать и даже последовать твоему совету. Просто со мною произошло такое, что я не уверен в том, что мои действия смогут правильно понять мои руководители. Пойми меня правильно, отец.

Максим встает из-за стола, выходит в прихожую, одевается и уходит. Немного подумав, отец Максима снимает трубку домашнего телефона и набирает номер старого друга, пенсионера МВД Прохорова.

Шустров В.: Здравствуй, Артур, это Шустров Владимир. У меня возникли проблемы с сыном, найди время встретиться. Нужен твой совет.

Инспекция по делам несовершеннолетних. День

В кабинете за столом сидит капитан Никулина, напротив ее – подросток 12-14 лет в рваной куртке. В углу кабинета на полу рядом со старым рюкзаком лежат две противотанковые мины времен ВОВ, покрытые ржавчиной металлические предметы, саперная лопатка, молоток, отвертка и большое количество разнокалиберных патронов. В кабинет заходит Мичуров.

Мичуров: Марина Николаевна, доброго здоровья. По указанию руководителя прибыл для оказания практической помощи.

Никулина: Здравствуй и заходи, Александр Иванович. Знакомься: Пузырев Константин, 14 лет от роду. Учащийся 7-го класса 12-й школы. Трудный под-

росток, мать умерла, отец в тюрьме, проживает с бабушкой. Задержан на проспекте Ленина с рюкзаком, полным мин. Говорит, что привез их на электричке из леса.

Мичуров: Ну, привет Константин. «Откуда дровишки»?

Пузырев: Какие дрова? У меня нет дров.

Мичуров: «Из леса вестимо...» Да-а-а, с литературой у тебя, по всему видно, совсем плохо.

Никулина: И не только с литературой, Александр Иванович. Он отстает по многим предметам.

Мичуров наклоняется и перебирает предметы, изъятые у подростка. Особое внимание уделяет противотанковым минам.

Мичуров: Скажи, Костя, а где в лесу можно найти так хорошо сохранившиеся мины? Марина Николаевна, а вы минерам заявку подали?

Получив утвердительный ответ, снова поворачивается к подростку.

Пузырев: На болоте, естественно. Болотный торф десятки лет сохраняет все в хорошем состоянии. Говорят, в Англии на болоте нашли рыцаря в полных доспехах. Достали, а он выглядел, как живой, и латы, как новенькие.

Мичуров: Видите, Марина Николаевна, все-таки какие-то познания у Кости есть. Расскажи мне, мой друг, как ты наловчился разминировать такие мины, используя молоток и пассатижи?

Пузырев: Парень один показал. Я его случайно в лесу встретил. Он – известный копатель. Сначала накричал на меня, потом накормил и показал, как взрыватель вывинчивать надо. Он раньше, наверно, минером был.

Мичуров: Что за парень такой, как зовут?

Пузырев: Кличка у него Фриц, а как его зовут, не знаю. Но среди копателей он – большая фигура. Весь лес знает как свои пять пальцев.

Мичуров: Мины для чего домой везешь? Наверное, тол топишь, чтобы рыбу глушить?

Пузырев: Я что, дурной, этим заниматься? Бабка их под поленницу укладывает, чтобы дрова не тонули и не мокли от дождей.

Мичуров: Так вы на мины дрова складываете? Марина Николаевна, я позволю в дежурную часть, нужна машина. Поехали, Костя, мы тебя до дома доведем и на твои дрова посмотрим.

Двор дома в пригородном поселке. День

Примерно час спустя Мичуров с дежурным нарядом стоит у дома Пузырева. Он уже насчитал около 20 противотанковых мин под поленницами бабушки Пузырева.

Мичуров: Пискунов, свяжись по рации с дежуркой, пускай дают заявку минерам, а дежурка пусть выделяет охрану до их приезда.

Пискунов: Уже связывался. Дежурный сказал, что минерам некогда, много заявок. Когда смогут, тогда и приедут.

Мичуров: Тогда скажи дежурному, что я эти мины сейчас загружу в твой уазик и привезу в отдел. Он что, не понимает, что сейчас весь поселок эвакуировать надо будет?

Пискунов: Сейчас свяжусь, но учти, Александр Иванович, я мины грузить не буду.

Мичуров: Хорошо, не будешь. Константин, подойди-ка сюда, есть у меня к тебе мужской и очень секретный разговор.

Отдел уголовного розыска. Кабинет инспекторов. Вечер

В кабинете сидят и пьют чай инспектора. Мичуров рассказывает им о минах, обнаруженных под поленницами.

Мичуров: Слушайте, мужики, а вам не встречалось такое погоняло, как Фриц? Именно этот человек научил нашего малолетку разминировать мины. И не потому, что садист, а потому, что боялся за этого пацана. Знал, что все равно ползет за ними в болото.

Котов: Знаем мы его, это Мальков Александр Петрович. Именно у него на квартире и нашли оружие с патронами. Только вот дома его не было, и где он сейчас находится, нам неизвестно.

Мичуров: Да, интересный кадр. Надо народ о нем поспрашивать. Алексей, что ты такой хмурый?

Котов: Готовится к встрече с женой. Леша, ты должен постараться объяснить ей, что жизнь оперативника, как у кочевника, постоянно в движении и не поддается жесткому домашнему устою. Пусть привыкает. К тому же у тебя пока еще время есть.

Скамейка у парадной одного дома. Вечер

На скамейке сидят и разговаривают Шустров Владимир и Прохоров Артур.

Прохоров- Володя, пойми меня правильно. Все, что ты мне рассказал, интересно, но ни о чем мне не говорит. Как у нас говорят, чувства к делу не пришьешь. Твой парень взял тайм-аут, позволь ему все обдумать и принять решение.

Шустров: Артур, я вижу, как он мучается. У нас раньше не было секретов друг от друга. Что-то произошло у него на службе. Сердцем чую. Помогите. Нелзя же просто сидеть и ждать!

Прохоров: Ладно, давай сделаем так: когда Максим будет готов поговорить, пригласишь меня. Не думаю, что он меня испугается. К тому же, если ты помнишь, я и рекомендовал его на

службу в милицию. А я пока загляну на его работу и осторожно выясню, какие проблемы у него могли возникнуть. Так тебя устроит?

Шустров: Конечно, Артур. Сделай, пожалуйста, все, что от тебя зависит.

Прохоров: Володя, я все выясню и презвоню.

Мужчины встают, прощаются и расходятся в разные стороны.

Квартира Федорова. Вечер

На кухне идет тяжелый семейный разговор между Алексеем и его женой Еленой.

Елена: Господи, как же мама была права, когда отговаривала меня выходить за тебя! За что мне все это? Ты всю душу у меня вымотал.

Алексей: Лена, не надо кричать, у меня еще есть время. Я все исправлю.

Елена: Что ты исправишь? Мои лучшие годы, которые я тебе отдала? У других мужья как мужья. В дом все несут, по хозяйству помогают, а ты у меня... Ненавижу твою работу! Сейчас вызову такси и уеду с дочкой к маме. Хорошо хоть чемоданы собирать не надо. Не решишь на работе в отношении отпуска, на юг полетим с дочерью вдвоем. Ты меня понял? Вызывай такси и не смей мне перечить!

Тяжело вздыхая, Федоров вызывает такси и помогает жене погрузить вещи. С тоской смотрит вслед отъезжающей машине и возвращается в пустую квартиру. Ругая себя за свой слабый характер, садится за стол на пустой кухне. Скорее от безысходности достает из холодильника бутылку водки. Засыпает Федоров за столом среди грязной посуды и с пустой бутылкой из-под водки.

Телефонная будка недалеко от дома Большакова. Вечер

Большаков подходит к будке и набирает телефонный номер.

Большаков: Добрый вечер, начальник. Договорился на завтра в 11 часов. Будь в это время с товаром во дворе дома 21 по ул. Пятилеток. Мой человек точно возьмет товар.

Хромов: Все понял, договорились.

Большаков вешает трубку и, насвистывая веселую мелодию, идет домой.

Квартира Котова. Вечер

Котов, открывает ключом пустую квартиру. Проходит на кухню и заглядывает в холодильник. Он почти пустой. Достает бутылку пива, хлеб и открытую банку тушенки. Быстро приготовив нехитрый ужин, садится за стол. Во время еды смотрит на фотографию женщины, которая улыбается и машет рукой. Котов встает, берет фотографию и снова садится. Воспоминания обрушиваются на него. Они – на набережной, он – форме моряка торгового флота, она – в красивом

платье. Он машет ей с палубы отходящего от причала судна. Она стоит на причале и машет ему вслед. Он по путевке ВЛКСМ направлен на работу в милицию. Она смотрит на него удивленно, но с пониманием. Он в форме старшины милиции приходит к ней домой. Мать и отец напуганы появлением милиционера. «Мы милицию не вызывали», – такими словами родители встречают его на пороге. «Это наша милиция», – весело говорит она и тащит его в свою комнату. Красивая свадьба, и много гостей. Они живут в этой квартире, подаренной им родителями. Он стоит в аэропорту и провожает ее и родителей в отпуск на море. Страшная информация об авиакатастрофе. Он стоит на кладбище у ее могилы. Видит ее прекрасное молодое лицо, утопающее в море цветов.

Котов вытирает навернувшиеся на глаза слезы. Ставит остатки еды в холодильник, принимает душ, в полной темноте падает на диван и моментально засыпает.

Квартира Шульмана. Утро

У дверей стоит Большаков и звонит в дверной звонок.

Шульман: И кто там звонит, как на пожаре? Имейте выдержку, товарищ.

Большаков: Абрам Иосифович, это Слава. Я звонил вам, и мы договорились о встрече.

Шульман: Слава, ну конечно, помню. Вашей точности может позавидовать Берлинский экспресс. Сейчас открою.

Шульман открывает входную дверь, выпускает Большакова в квартиру, окидывает взглядом коридор и закрывает дверь. Они проходят в просторную комнату, обставленную старинной мебелью, и садятся за большой стол, покрытый зеленой скатертью.

Шульман: Чаю, Слава, вам не предлагаю, так как вы – человек деловой и время для вас – деньги. Чем вы сегодня хотите удивить старика?

Большаков достает из внутреннего кармана пиджака сверток и, развернув его, передает Шульману. Увидев золотой слиток, тот растерянно смотрит сначала на него, затем – на Большакова.

Шульман: Да, Славочка, умеете вы удивить старика. Откуда такое сокровище?

Большаков: Абрам Иосифович, зачем задавать глупые вопросы, заранее зная, какие ответы вы на них получите. Можете помочь мне реализовать данную вещь? Я знаю, у вас хорошие связи.

Шульман: Не льстите мне, Слава, я не девушка. Вещь действительно хороша, но и срок за нее могут дать тоже хороший. Если вы мой процент знаете, то мне здесь нужно немного времени, товар по нынешним временам очень необычный.

Большаков: Три дня – не больше, иначе клиент будет искать другие места сбыта.

Шульман: Три дня мало, но я сильно постараюсь. Вы оставите мне эту вещь под мои гарантии?

Большаков: Извините, Абрам Иосифович, не могу.

Шульман: Ну на нет и суда нет. Значит, встретимся через пару дней.

Шульман провожает Большакова до выхода. Оставшись один, некоторое время сидит в кресле и что-то обдумывает. Затем достает из буфета записную книжку и набирает номер телефона. Слышны долгие гудки, наконец ему отвечают.

Шульман: Это Шульман вас беспокоит. У меня появилась вещь, которая может вас заинтересовать. Готов с вами встретиться. Хорошо, там же и в то же время.

Закончив свой разговор, Шульман вешает трубку телефона.

(Окончание в следующем номере)

ПООЛЬ ВЛАДИМИР **Секретные операции и нелегальные разведчики**

Трагические судьбы политических лидеров Эстонии и Европы: террор, секретные операции, нелегальные разведчики. 1935 – 1955 годы. Историко-биографическое исследование по материалам закрытых архивов.

ЯН МАСАРИК

Утром 10 марта 1948 года во внутреннем дворе пражского Чернинского дворца, где располагалось министерство иностранных дел Чехословакии, под окнами ванной комнаты квартиры, в которой жил министр упомянутого ведомства Ян Масарик, истопник дворца Карел Максбауэр обнаружил мертвое тело хозяина квартиры.

Истинную причину смерти Масарика от народа утаили. Сразу же, еще до вскрытия трупа, было объявлено, что министр болел, страдал бессонницей, находился в депрессии и в расстроенных чувствах выпал из окна то ли по неосторожности, то ли намеренно.

Ян Масарик – сын лидера движения за независимость Чехословакии Томаша Гаррига Масарика, который после образования самостоятельного государства в 1918 году стал его первым президентом и правил страной до 1935 года. Масарик-старший был популярен в стране и любим народом как президент, социолог и философ. Его авторитет перешел на сына Яна, который во многом благодаря этому в послевоенной Чехословакии стал главой МИДа.

Масарик-младший не был коммунистом, но пытался вести самостоятельную политику, что при тогдашнем главе правительства с президентскими амбициями коммунисте-сталинисте Кlemente Готвальде было рискованно. Это и определило судьбу беспартийного министра-вольнодумца Масарика.

После его смерти, как и в случае с Варесом в Эстонии, начали исчезать неудобные свидетели, слишком много знавшие о деталях происшествия. В ночь с 9 на 10 марта в МИДе Чехословакии дежурил Павел Страк. Около 11 часов вечера он услышал шаги в дворцовом вестибюле и вышел посмотреть, но кабинет министра минут на пятнадцать был заблокирован, и телефоны отключены. Вскоре Страка арестуют и приговорят к 12 годам тюрьмы «за измену Родине».

Во дворец был вызван доктор службы госбезопасности Франтишек Барковец, он заметил в квартире министра следы рукопашной схватки и рассказал об этом окружению. В конце того же 1948 года Барковца арестуют по обвинению в подготовке восстания и казнят.

Комиссар полиции Йозеф Кадлец для выяснения причины смерти Ма-

сарика предложил провести эксгумацию тела, но в результате был арестован и убит на допросе.

В Чехии считают, что одним из соучастников ликвидации Масарика был охранник Чернинского дворца Вацлав Седма – он погибнет в июне 1948 года в автокатастрофе при невыясненных обстоятельствах.

Другой соучастник, давний агент-боевик советской разведки по линии ведомства Павла Судоплатова майор Шрамм в послевоенной Чехословакии обеспечивал советским спецслужбам проведение специфических секретных операций. Через два с половиной месяца после смерти Масарика Шрамм будет застрелен неустановленным киллером в своей пражской квартире.

После «бархатной революции» в Чехословакии восстановили производство по делу Масарика, провели различные следственные действия, экспертизы и установили, что его выбросили из окна или столкнули с подоконника во двор дворца.

Окончательно точки над *i* поставила советская разведчица Елизавета Паршина, служившая ранее у генерала Судоплатова. В 1994 году она сделала убийственное заявление: Ян Масарик убит ликвидаторами МГБ СССР, а позже назвала их имена. Если верить информации Паршиной, то Масарика выбросили из окна тогдашний начальник Управления контрразведки МГБ по советской оккупационной группировке войск в Австрии генерал-лейтенант Михаил Белкин и младший оперуполномоченный Бондаренко.

Я думаю, что разведчице Паршиной верить можно: ее откровения были опубликованы еще при здравствующем главном ликвидаторе генерале Судоплатове, и последний эту информационную бомбу, насколько мне известно, не опроверг.

Тело Яна Масарика во внутреннем дворе Чернинского дворца в Праге.

ОПЕРАЦИЯ «УТКА»

Мексиканские полицейские демонстрируют ледоруб, которым был убит Лев Троцкий в Мехико в августе 1940 года.

20 августа 1940 года, в соответствии с разработанной НКВД операцией «Утка», в Мексике был смертельно ранен ледорубом в голову заклятый враг Сталина Лев Троцкий. Непосредственным исполнителем теракта стал испанский коммунист-антифашист Рамон Меркадер.

6 июня 1941 года на стол Сталина легла такая рукописная записка:

ЦК ВКП(б) и СНК товарищу Сталину И.В. Группой работников НКВД в 1940 году было успешно выполнено специальное задание. НКВД просит наградить орденами Союза шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания. Прилагаю проект Указа Президиума Верховного Совета Союза СССР. Прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л.Берия.

На записке стоят следующие резолюции и пометки:

«За (без публикации) И.Ст.», «В. Молотов», «М.Калинин», «К.Ворошилов», «Т.Каганович – за, т.Микоян – за».

Этого же числа Президиум Верховного Совета СССР Указом № 1894 наградил руководителей и следующих активных участников операции «Утка» высокими государственными наградами:

орденом Ленина – испанскую коммунистку Меркадер Каридад Рамоновну и опытного советского разведчика-нелегала, главного разработчика операции «Утка» Эйтингона Наума Исааковича;

орденом Красного Знамени – резидента внешней разведки в Париже Василевского Льва Петровича и заместителя начальника внешней разведки НКВД СССР Судоплатова Павла Анатольевича;

орденом Красной Звезды – советского разведчика-нелегала Григулевича Иосифа Ромуальдовича и старшего офицера нью-йоркской

резидентуры советской внешней разведки Пастельняка Павла Пантелеймоновича.

Позднее Рамону Меркадеру (сыну Каридад Меркадер) присвоят звание Героя Советского Союза.

В этот Указ ПВС по непонятным причинам не было включено имя отважного человека – мексиканского художника Хосе Давида Альфаро Сикейроса, который под кодовым названием «Конь» руководил группой боевиков в операции «Утка». Но «Коня» не забудут: в 1967 году его изберут почетным членом Академии художеств СССР, и он станет лауреатом Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Все участники операции «Утка» остались живы, после Троцкого они совершили еще немало ратных дел.

АНДРЕУ НИН

Описывая события, связанные с убийством Льва Троцкого, следует отметить, что при разработке операции «Утка» был использован опыт «работы» по ликвидации каталонского коммуниста Андреу Нина (операция «Николай»).

Андреу Нин

Андреу Нин (1892–1937) – каталонский коммунист, революционер, публицист, писатель и переводчик Пушкина. Один из основателей испанской Компартии. Девять лет прожил в СССР, работал в Коминтерне и Профинтерне. Вступил в РКП(б), был избран депутатом Моссовета, сотрудничал с Львом Троцким и стал участником антисталинской левой оппозиции.

После возвращения в 1930 году в Испанию, вернее было бы сказать, после изгнания из СССР, Нин искал пути объединения антисталинистски настроенных коммунистов. Был лидером Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ). Во время Гражданской войны в Испании (1937) НКВД удалось на основании сфальсифицированных улик обвинить Нина в связях с франкистами, и он был арестован своими же испанскими революционными властями. Они начали готовить над ним и другими деятелями ПОУМ показательный судебный процесс.

20 июня 1937 года группа агентов ИНО НКВД под руководством резидента НКВД в Испании А.Орлова при активном участии И.Григулевича похитила из тюрьмы отступника Нина, и через два дня он был убит советскими агентами из числа испанцев.

ИОСИФ ГРИГУЛЕВИЧ

После убийства Троцкого министр госбезопасности СССР Игнатиев предложил Сталину устранить другого его врага – президента Югославии Иосифа Броз Тито. Разработанный рискованный план получил условное название «Операция «Стервятник», а главный объект разработки этой операции Тито – кличку Нерон. Дерзкую акцию в отношении Нерона должен был провести Иосиф Григулевич, который даже прощальное письмо жене написал, но смерть Сталина сохранила Тито жизнь. Григулевичу, скорее всего, – тоже. Расскажу об этом удивительном человеке более подробно.

Григулевич Иосиф Ромуальдович (1913–1988) – один из самых талантливых и результативных советских нелегальных разведчиков. За двадцать лет опасной работы он состоял в гражданстве 10 государств, владел десятком языков, работал под 13 именами и завербовал более 200 агентов из числа граждан разных государств.

Трудно представить, но, пребывая в 1950-х годах на нелегальной ра-

боте в Коста-Рике, он стал послом этой страны в Италии, Ватикане, Югославии и параллельно основной работе продолжал активную разведдеятельность в пользу СССР.

Посол Коста-Рики в Югославии Т. Кастро (И. Григулевич) с президентом Югославии И. Тито после вручения верительных грамот. 25 апреля 1953 года.

Про Григулевича говорили, что в нелегальной разведке он достиг вершины, которая доступна лишь тем, кто отмечен и избран Богом.

Успешной работе Григулевича способствовало то обстоятельство, что он был глубоко зашифрован, действовал хладнокровно, оперативно, грамотно и не оставлял контрразведкам стран пребывания следов для своего разоблачения. Советский посол в Италии Костылев не знал, что костариканский посол в Риме и Белграде Теодоро Кастро является своим человеком, и в информации для МИДа СССР охарактеризовал его как «реакционера и открытого недруга советской страны». Министр иностранных дел СССР Андрей Вышинский тоже не знал, что Теодоро Кастро – свой и назвал его в речи на VI сессии Генеральной ассамблеи ООН (ноябрь 1951 года) «цепным псом империализма».

В 1956 году «цепного пса империализма» Григулевича во избежание неизбежного ареста отозвали в Москву, где он стал крупнейшим специалистом по истории католицизма, знатоком Латинской Америки, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Под литературным псевдонимом Иосиф Лаврецкий Григулевич написал десятки увлекательных книг.

А мой хороший коллега по совместной службе в Управлении «А» (анализ) 2-го Главного управления КГБ СССР (контрразведка), российский писатель и журналист Владимир Матвеевич Чиков выпустил правдивую книгу про самого нелегала Григулевича под заголовком «Суперагент Сталина. Тринад-

цать жизней разведчика». Книга вышла в московском издательстве «Алгоритм», к сожалению, тиражом всего 500 экземпляров, что для такой огромной страны, как Россия, – мизер, широкий круг читателей с ее содержанием незнаком, и заслуживающих внимания комментариев на эту интереснейшую книгу мне читать не доводилось. Видимо, писатель-контрразведчик Чиков слишком откровенно рассказал о подготовке теракта на президента Югославии Иосифа Броз Тито, чем, возможно, и объясняется «слабый интерес» к этой достойной книге.

ПАВЕЛ ПАСТЕЛЬНЯК

История с чехословацким боевиком майором Шраммом напомнила мне о другом малоизвестном судоплатовском боевике-ликвидаторе Павле Пастельняке, последние годы службы которого (1945–1951) проходили в Эстонии и были связаны с проверками и разработками руководящих деятелей республики.

В начале марта 1945 года, когда Вторая мировая война еще шла, ЦК ВКП(б) направил в Эстонию с ответственным заданием разведчика-нелегала Павла Пастельняка. В Таллинне он без предварительного обсуждения его кандидатуры с ЦК КП(б) Эстонии был назначен на должность заместителя министра госбезопасности республики. Личный листок учета кадров для ЦК КП(б) Пастельняк заполнит только 26 мая 1946 года.

После советизации Эстонии на многие руководящие должности были назначены старые местные коммунисты, которые в довоенной буржуазной Эстонии долгие годы провели в тюрьмах. Многие из них разочаровались действующими в СССР порядками.

Для разработки руководящих сотрудников высшего и среднего звена и отсеивания из их числа «враждебного элемента» при МГБ ЭССР было образовано небольшое закрытое подразделение – Группа 2. Мероприятия, проводимые группой Пастельняка, содержались в строжайшей тайне, о многих делах не знал даже глава МГБ Эстонии генерал-майор Борис Кумм. Бывали случаи, когда Пастельняк закрывался в кабинете и по ВЧ-связи сам зачитывал Москве спецсообщения о разработках того или иного высокопоставленного должностного лица. В разработке были Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР Йоханнес Варес-Барбарус,

его заместитель Нигол Андресен, председатель Совета Министров Арнольд Веймер и даже первый секретарь ЦК Компартии Эстонии Николай Каротамм.

Последний догадывался, какую роль играет в Эстонии Пастельняк, и пытался от него избавиться. В начале октября 1948 года Каротамм собрал партийный актив МГБ, жестко раскритиковал работу министерства и потребовал быстрее покончить с «лесными братьями». Между Каротаммом и Пастельняком были постоянные стычки.

Я хорошо знал одного из членов Группы 2 – майора в отставке К. Во второй половине 1990-х годов он рассказал мне, что, бывая у Пастельняка в кабинете с докладом, он нередко слышал, как его начальник ругался по телефону с Каротаммом, причем непечатные выражения употребляли оба. Я полагаю, что собрание партактива МГБ было организовано специально для избавления от Пастельняка. Вскоре после актива Каротамм обратился в Москву с предложением заменить Пастельняка, но Москва эту идею отвергла. Каротамм не имел точных данных о том, какова была истинная роль Пастельняка в Эстонии, а последний, узнав о жалобе Каротамма, отомстил ему.

Проводимые под руководством Пастельняка разработки достигли эпогея к началу 1950 года: тогда были арестованы, ошельмованы и сняты с постов многие партийные и советские деятели, работники культуры, искусства и военные. Пострадали также министр госбезопасности Борис Кумм и первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Николай Каротамм.

БЮРО №2 МГБ СССР — УБОЙНЫЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

Бюро № 2 как особая и самостоятельная структура было образовано в системе МГБ СССР постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) № П77/310 от 9 сентября 1950 года. Этим же постановлением было утверждено Положение о новой структуре и назначен ее начальник генерал-майор Виктор Дроздов (не путать с начальником Управления «С» (нелегальная разведка) генерал-майором Юрием Дроздовым. – **В.П.**).

На Бюро № 2 возлагалось выполнение на территории СССР специальных заданий в отношении лиц, ведущих в стране враждебную работу, прекращение которой, в целесообразных случаях и по специальному разрешению руководства

МГБ, могло осуществляться «особыми способами». Под такими способами понимались следующие действия: компрометация, физическое воздействие, секретное изъятие и устранение.

Технически Бюро № 2 было хорошо оснащено. В распоряжении сотрудников имелся оперативный гардероб: различная одежда, парики, очки и другие предметы для изменения внешности, то есть все то, что было на «вооружении» сотрудников наружного наблюдения (слежки). Бюро содержало конспиративные и явочные квартиры, имело законспирированный гараж с парком машин разных марок и большой арсенал оружия.

Сотрудников набирали из числа физически крепких и особо проверенных оперативных работников. Дальнейшая их подготовка проходила по специальным программам.

Следует отметить, что «особые способы» применялись в работе органов государственной безопасности и до 9 сентября 1950 года, но тогда указания на их применение давал лично Сталин, и об их применении знал только узкий круг лиц из его ближайшего окружения. Указанное постановление создавало этой практике правовую основу и закрепляло право на применение этих способов под руководством Компартии.

В 1951 году министром государственной безопасности СССР стал Семен Игнатъев. Знакомясь с людьми и делами вверенного ему ведомства, он неожиданно обнаружил, что в системе МГБ действует особо секретное Бюро № 2, которое с другими подразделениями министерства не взаимодействует, а все инструкции для своей негласной деятельности получает непосредственно от руководства ЦК ВКП(б) через министра. Новоиспеченный министр нашел, что такое положение вносит в работу руководимого им ведомства негативные моменты: сотрудники Бюро № 2 в перерывах между выполнением особых заданий на длительное время отрываются от своей основной, строго засекреченной работы и неминуемо расшифровывают Бюро, которое в МГБ ничем не прикрыто.

14 ноября 1951 года Игнатъев обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с докладной запиской, в которой предложил включить Бюро № 2 в штаты 2-го Главного (контрразведывательного) управления МГБ СССР в качестве отдельного подразделения без изменения существующего Положения о Бюро. Политбюро предложение Игнатъева отклонило, и Бюро № 2 осталось в системе МГБ на прежних правах – в непосредственном подчинении министру. Правда, отчасти Игнатъеву пошли

навстречу – руководству МГБ разрешили использовать сотрудников Бюро в свободное от спецзаданий время по линии борьбы с «националистическим подпольем» в Прибалтике и на Северном Кавказе.

После смерти Сталина вопрос о судьбе Бюро № 2 вновь вышел на повестку дня. В начале сентября 1953 года тогдашний министр внутренних дел СССР Р. Сергей Круглов написал членам Президиума ЦК КПСС Никите Хрущеву и Георгию Маленкову письмо, в котором рассказал о существующей в системе МГБ полностью засекреченной структуре. К письму прилагались уточняющие документы: Положение о Бюро № 2, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об его образовании и полный список сотрудников с указанием их должностей и мест работы. Эти документы сохранились в особой папке ЦК, и о них, пожалуй, первым рассказал Павел Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля». Позже материалы о Бюро № 2 появились в журнале «В мире спецслужб» и газете «Совершенно секретно».

После смерти Сталина Бюро № 2 было расформировано. Большую часть его сотрудников уволили или отправили на пенсию, меньшую перевели в оперативные подразделения контрразведки.

СЕМЁНОВА ЛЮДМИЛА

Ветеранам милиции (полиции)

Было много за жизнь перевидано:
Перестрелки, бандиты, погоны.
Были риски, никем не просчитаны,
А награда – звезда на погоны.

Но к профессии нету претензии
У мужчин милицейского племени.
Заработали, всё же спецпенсии,
Да ещё – седину прежде времени.

Нет, никто не кичится наградами.
Разноцветные планки на кители
Прикрепляются перед парадами
В честь торжественности события.

Не стареют душой ветераны,
И коллеги-друзья не забыты!
Заживляют сердечные раны
Те сто граммов, что с ними распиты.

Ждём возможности повидаться.
Кроме «телика» и дивана,
Есть у нас милицейское братство –
Наше общество Ветеранов!

Можно здесь пообщаться активно,
Обсудить предстоящие планы;
Что пора, мол, писать детективы,
Матерьяла – на десять романов!

Обнаружились, вдруг, таланты,
Что таились в душевных глубинах:
Кто-то видным стал музыкантом,
Кто-то маслом пишет картины...

Стал Владимир хорошим поэтом,
И писатель известный – Евгений.
А каким обладает секретом
Нераспознанный скрытый гений?

Мы приходим в наш клуб по привычке,
Где с друзьями общение лечит.
Где готовит Артур Чулицкий
Нам всегда интересные встречи.

Стихи

Пасхальное

То – щемящее, далекое
Живо в памяти моей.
Вишни пенились под окнами
До пасхальных светлых дней.

В доме будто бы все новое,
Все сияет чистотой;
Теста в кадочке кленовой
Аромат стоит густой.

Подхожу к нему на цыпочках,
Как к живому существу.
Печь истоплена для выпечки,
Все готово к волшебству.

Стол накрыт узорной скатертью,
Крашенных яиц поднос,
На иконе с Божьей Матерью
В нимбе маленький Христос.

Я – почти его ровесница
И откуда бы мне знать,
Что уже с небесной лестницы
К нам спустилась благодать.

В те времена

В те времена мы жили за оградой
От капитала, Бога и реклам.
Божественное было где-то рядом,
Через сердца, передаваясь нам.

Не сомневались мы: все люди – братья,
И иллюзорной бредили мечтой,
Носили одинаковые платья,
Но отличались русской красотой!

Тогда ещё не охранялись школы,
Не нагнетался ужас тёмных мест.
Просачивались как-то рок-н-роллы,
Но педофилов не было окрест...

В те времена всё было примитивно,
Но сколько ты об этом не злословь,
Мы сочиняли будущему гимны
И верили в великую любовь!

Влюблялись, на богатство без оглядки;
Романтик получал приоритет.
А поцелуй на лестничной площадке
Невинным был, как ночью лунный свет.

Тогда Иисуса заменял нам Ленин,
Молились на него из года в год
И обходились без свободы мнений,
Не чувствуя, что жили без свобод.

Наверное, мы в чём-то заблуждались,
И ищем до сих пор свой верный путь.
Те времена прекрасные остались
В моей душе, и ты их не забудь!

Зимний Таллинн

Зима убавила поток туристов,
Рядов торговых праздничный накал.
Такой сегодня просветлённый, чистый,
Мой Таллинн вновь меня околдовал.

Как-будто я в средневековом царстве
Где улицы не знали адресов,
Где с высоты холма, породы карстов,
Высматривались крылья парусов.

А на причальных судах били рынды,
Пронзали кирхи небо остриём.
И до сих пор сидит на камне Линда,
О Калеве печалится своём.

Здесь мельница стояла на плотине –
Столетий пять она трудилась тут –
Служила б горожанам и поныне,
Но в площадь превратился старый пруд...

А город снегом в белое окрашен,
Во власти посленовогодних снов.
В изломе крыш, и в очертаньях башен,
В движении послушных флюгеров

Неповторимый шарм средневековья,
Загадки пересказанных легенд...
Хранит наш город старину с любовью,
Без прошлого – и будущего нет.

Дорога на родину

Родина скромная, родина тихая,
Малая родина – поле с гречихою.
Между полями дорога изрытая,
Лошадь печатает землю копытами.

Тут от асфальта вёрст десять подвоюю
Еду, любуясь, окрестной природою.
Дальше и дальше от поезда длинного
К лугу с цветами, к жужжанию пчелиному!

К месту, где город над нами не властвует...
Дядька Иван понукает гривастую,
Тихо ведёт разговоры душевные,
В детство везёт меня, в сказки волшебные.

Гляню в глаза голубые цикория,
Здесь началась моей жизни история.
Жив ещё клён, что поил меня соками,
Мне б насладиться родными истоками...

Вьётся дорога ажурными петлями
Праздные мысли с грустинкою светлою:
Вот этот рай, что всю жизнь проискала я –
Родина милая, родина малая.

Просто жить

Наш домик в этом месте отдалённом
Дождлся нас, всему наперекор.
Здесь всё так просто и определённо:
То гвоздь забить, то починить забор...

Ещё газоны требуют покоса,
По летнему зелёная трава,
Но яблонька уже простоволоса,
И для камина привезли дрова.

Решает мир возникшие проблемы,
Проигрывая в вирусной борьбе.
Вороны каркают на ту же тему,
Устроив посиделки на сосне.

Хозяева уже давно привыкли
Жить без каких-либо затей.
Пузатые сидят на стульях тыквы,
Заняв места уехавших гостей.

Предпочитают, вместо валидола,
Чтобы унять волнение, жильцы,
Вкусить...собственноручного посола
С хреновиной душистой огурцы.

На окуня поставить утром сети,
В надежде, что сегодня повезёт.
Хоть помешал рыбалке сильный ветер,
Но был доволен ей соседский кот.

На столике веранды банка с мёдом
Отсвечивает жёлтым янтарём;
И жизнь идет своим привычным ходом...
А радость в том, что просто мы живём.

Закат

Ни звёздочки ночью жемчужной,
Когда до полуночи день;
И солнце своим полукружьем
Отбросило красную тень

На море и берег, и выше...
И всё охвативший пожар
Поджёг островерхие крыши
И пламя плеснул на бульвар

Закат не спалил, не разрушил
Земное небесным огнём,
А влился в озябшие души,
Коснувшись своим волшебством.

Сияют витринные блики,
И я не пойму отчего
Прохожих не лица, а лики
Мне видятся в свете его.

Меняются краски, играют,
С небес нам сигналы идут.
Там Боги горшки обжигают,
А здесь, на земле, люди бьют...

Копоть

Копоть, копоть покрыла Майдан.
Копоть в душах, и копоть на лицах –
То ли это кочевников стан,
То ль становище разных амбиций.

Варят зелье в котлах колдуны
По секретным заморским рецептам,
И уже пол великой страны
Под пятой иностранных адептов.

Копоть коклюшем в глотках першит,
Тротуары заплёваны чёрным.
И горит Украина, горит...
И кидают в огонь непокорных.

Тонут в звуках грозы голоса,
Все кричат до разрыва аорты,
Дым и гнев застилают глаза.
Стали насмерть людские кагорты.

Брат на брата, семья на семью;
Копоть в мыслях отмыть невозможно.
Дай им, Господи, разум – молю –
Примири, как бы не было сложно.

Последняя услуга

Откатился бой на километры.
С раной огнестрельной полз служивый,
Преодолевая метр за метром...
Где свои теперь, а где чужие?

По земле замёрзлой, в кровь ладони,
Двигался он из последней силы.
В полузабытьи услышал стоны;
Вспышкой взрыва поле озарило.

В ярком и ужасном этом свете,
Вдруг увидел, что неподалёку
Корчится в объятьях жёстких смерти
Раненый боец. В нём он узнал Серёгу.

В прошлом, в детстве — друг, и враг сегодня.
Кровью залитый шеврон с трезубцем...
Их война, как проклятая сводня
Здесь свела по прихоти безумцев.

«Слышь, дружище, добивай и в ямку,
Услужи последнюю услугу!
Доползёшь, расскажешь моей мамке,
Что живым, в бою ты встретил друга».

«Нет уж, чёрта с два, тебе, Серёга!
Оба мы с тобою небезгрешны.
Вот, перебинтуй тебе ногу
Поживёшь ещё ты в «Незалежной»!

Поташил... Удар шальной ракеты
Оборвал их речь на полуслове...
Не дожил Серёга до рассвета,
Слишком много потерял он крови...

Откатился бой на километры.
Полз служивый с раной огнестрельной,
Преодолевая метр за метром
Поле минное, в опасности смертельной...

Безвременье времён

Безвременье времён... Ну вот, дожили
И до глухой вражды, и до войны.
Немерено народу положили
В сырую колыбель земли
На вечный сон, и точно — без возврата.
Напрасных жертв количество растёт;
Ни правых не сыскать, ни виноватых,
Чья правда, кто тут разберёт?
Политики в своём противоборстве,
На оппонентов ищут компромат.
Враждебностью заменено партнёрство,
А дипломатия — на автомат.
Мы как слепцы, и будто бы не видим,
Не замечаем общества изъян.
Заставят ненавидеть — ненавидим,
Безволия переступая грань...
И что стучать в закрытые границы?
Заказан путь в клеймёную страну...
Живём в заложниках чужих амбиций
И в страхе собственном в плену.
Но в самой глубине сердечной мышцы
Где жизнь струится алым ручейком
Почти анатомически таится
Надежда на счастливое «Потом»...

Осень

Всегда встречаю осень с восхищеньем.
Из года в год изменчиво-нова,
Как плод, она подарит вдохновенье
И самые хорошие слова.

Сегодня осень — кроткая овечка,
Сверкает золотым своим руном.
Берёза, как пылающая свечка,
Роняет листья в тихий водоём.

И семена, как искры, разлетятся,
И в землю попадут, и прорастут,
В деревья новые когда-то превратятся,
Но нас тогда уже не будет тут.

Зима

В февральском разгуле метели,
В мятущихся ворохах снега,
Уже зародились капли
И будущей зелени нега.

В берёзе, дрожащей и серой,
С атласной корою на запястьях,
Уже просыпается вера
В весеннее новое счастье.

И в тёмный заснеженный вечер,
В домах огоньки зажигая,
Живём предвкушением встречи
С веснушчатым, солнечным маем.

Лето

Стояло лето. Сквозь заборы
На улицу текла сирень.
Замысловатые узоры
Вязала влажной нитью тень.

Тревожно-радостное чувство
Своё значенье обрело,
Вплетая в летний день искусно
Ещё не стойкое тепло.

Иду с блуждающей улыбкой:
Как хорошо на свете жить!
Готова старые ошибки
Списать, чтоб новых натворить...

Переполняют ароматы
Меня надеждой молодой,
И еле слышатся раскаты
За фиолетовой грядой.

Омоложение природы,
Как обновление души.
И будут дни, и будут годы...
Ты их красиво заверши!

Ветренный край

Ветра, неугомонные ветра
Остервенело воздух рвут на клочья!
Перемешали запахи с утра
И выцветшие звёзды белой ночи.

Но я благодарю свой уголок,
Не раз испытанный на прочность морем,
Где всё пространство вдоль и поперёк
Вмещается в метраж оконной шторы.

Благодарю немислимый пейзаж —
Закат опять на ветер — земляничный.
Всё на потом: крутой автовожж,
Аэропорта баритон привычный.

И лайнера дрожащее крыло,
И «Отче наш» при взлёте и посадке,
И южное вальжное тепло,
И запах розы карамельно-сладкий.

Всё это оставляю на потом:
Бахчисарай, нарзановые воды...
А нынче материнским молоком
Я насыщаюсь от родной природы.

Пускай меня сегодня просквозит,
Пока гуляю я вдоль побережья,
Пускай мой край ветрами знаменит,
Но я люблю его, как прежде, нежно.

Всё прекрасно!

Прекрасно, когда утром солнце с небес!
А ты уже кушаешь свой геркулес,
И с аппетитом жуёшь бутерброд;
И есть, чем жевать, и не пучит живот.

Прекрасно, что ты — пенсионер.
Увы, не богач, не миллионер,
Заго ты свободен, как ветер в степи!
Гуляй сколько хочешь, читай или спи...

Прекрасно, когда едешь стоя в трамвае,
А место в трамвае не уступают.
Не думаю, что молодёжь без стыда,
А просто бабуля ещё молода!

Прекрасно, когда ты не ходишь к врачам,
Не мучают боли, прозрачна моча.
И думать о смерти перестаёшь,
А значит, здоровеньким так и помрёшь...

Прекрасно, когда нет нужды в докторам!
Но может быть так, что здоровье «не ах».
Ну, мало ли, где-то тебя просквозит,
Понадобится к эскулапу визит...

Прекрасно, что в очередь к нашим врачам
Тебе не придётся стоять по ночам.
С утра им настойчиво долго звони
И медицину ни в чём не вини.

Прекрасно, когда полусотый звонок
Услышит не врач, наконец-то, а ...Бог.
И скажет: «Ну, что же, больной, выбирай,
Лечиться тебе, или сразу же в Рай?»

Прекрасно сходить, иногда, в магазин.
Любуясь рядами огромных витрин,
У кассы стоишь с пачкой чая в руке;
Покупок не густо, зато налегке...

Прекрасно, когда у тебя есть семья!
Опора, надежда, источник тепла...
А взрослые дети и внуки твои
С тобой разделяют взаимность любви.

Прекрасно, когда с головой дружишь ты
И помнишь свои голубые мечты.
Пускай, половина из них не сбылась,
Ты ими на будущее запаслась!

Прекрасно найти в интернете подруг,
И фейсом своим осчастливить Фейсбук,
Причастность свою ощущая сполна
К глобальному миру, что ты не одна!

Прекрасно, что холод сменяет жара,
Прекрасно, что завтра, прекрасно вчера!
Прекрасно в июле и в феврале,
Прекрасно, друзья, просто жить на земле!

В этом году исполняется 80 лет со дня основания Таллиннской школы милиции. Это и знаменательная, и замечательная дата. Конечно, сегодня, отталкиваясь от господствующих политических воззрений, дается иная оценка всего того времени. Но я уверен, что для тех, кто оканчивал это учебное заведение, время учебы стало одним из самых ярких, приятных и запоминающихся периодов жизни. Не буду перечислять известных мне выпускников школы, показавших себя на правоохранительном поприще великолепными специалистами и дослужившихся до высоких званий и должностей. Я просто хочу сказать, что во время учебы все они были молодыми ребятами – курсантами, и сделать несколько зарисовок из их повседневного быта.

Внеучебная жизнь курсантов была разнообразной и интересной. Во всяком случае, те кто хотел, могли отыскать в этой жизни свой здоровый интерес. Были достаточно хорошие условия для развития физических способностей и занятий по некоторым видам спорта. Школа выставляла спортсменов для участия во всех эстонских соревнованиях по легкоатлетическим дисциплинам, борьбе самбо, лыжным гонкам. И надо сказать, что школьные спортсмены по некоторым видам были в числе лидеров в республике, во всяком случае, в годы моей учебы. Я тоже участвовал в этих соревнованиях, поскольку еще совсем недавно профессионально занимался спортом.

В школе имелся спортивный инвентарь, и желающие с удовольствием могли возиться с металлическими отягощениями, проверять на прочность челюсти посредством боксерских перчаток и, конечно же, пытаться освоить необходимые приемы самбо. У нас был обязательный урок по этому виду единоборства, но его было явно недостаточно. Поэтому мой друг, земляк, действующий мастер спорта, призер всесоюзных турниров Петя Горский организовал секцию самбо. И его уроки, пожалуй, были более эффективными, чем занятия по обязательной учебной дисциплине.

Но, к сожалению, занимающихся было не очень много. Да и если в детстве не стал ярким спортивным талантом, то в послеармейском возрасте им уже вряд ли станешь. Хотя поддерживать на высоком уровне свое здоровье и физическое состояние необходимо в любом возрасте.

Однако в заголовке я написал о поиске именно талантов – ярких, самобытных, неординарных. Где же их отыскать в возрасте 22-28 лет, если до этого они не проявлялись? Ведь нашей главной задачей было стать талантливым в профессии, к которой нас готовили. Но не службой единой живет будущий мент, пардон – блюститель правопорядка. И такое плодородное поле, где можно было отыскать скрытый яркий талант, конечно же, было – бескрайняя нива художественного творчества.

Смотры художественной самодеятельности проводились в школе регулярно. Для руководства школы это было обязательной программой учебного процесса. Немало ребят, которым было что показать, было чем удивить, вызывались участвовать в смотрах добровольно. Но для полноценного заполнения конкурсной программы добровольцев не хватало, поэтому недостающие таланты приходилось отыскивать, откапывать, заставлять, уговаривать, чтобы вытасщить на сцену.

В мою бытность в школе сложился очень хороший музыкальный ансамбль, душой которого был Витя Богатырев. Ансамбль давал концерты не только в стенах родного учебного заведения, но и нелегально «подхальтуривал» в известных заведениях («общепита»). Очень профессионально выступал на сцене танцор Вадик Вовк. Показывали свои возможности неплохие чтецы и даже поэты. Надо сказать, что школьный хор участвовал во Всеэстонском празднике песни и танца в составе сводного хорового коллектива. Отбирал исполнителей и готовил коллектив известный эстонский музыкальный специалист Джон Тунгал. Для хора внутришкольного потребления хористов подбирали менее изысканно, а точнее – в полуприказном порядке, в основном из тех, кто не мог себя ничем проявить в других дисциплинах художественного творчества.

Я на сцену не рвался. Хотя к тому времени у меня было написано немало стихов и стишков, так сказать «в стол», но сентиментальничать и откровенничать на публике тем, что я готовил, чтобы нашептывать на ушко девушкам, мне было как-то стеснительно. Я больше ударялся по спортивной стезе. Но смотр художественной самодеятельности – явление общественное, поэтому в об-

щественный поток был вовлечен и я. Дивить публику своим поэтическим творчеством, как сказано выше, я не решился. Порадовать вокальными талантами тоже не мог, поскольку проявлял их только за столом, когда после определенной дозы алкоголя вдруг становился голосистой Аллой Пугачевой. Здесь этот музыкальный допинг был запрещен уставом работника милиции. Поэтому оставалось быть чтецом, благо я знал наизусть достаточно много стихов разных поэтов и даже несколько поэм.

Мне хочется рассказать о двух наиболее запомнившихся самодеятельных номерах на последнем нашем художественном представлении.

Один номер готовила начальник нашего школьного клуба и жена преподавателя криминалистики Евгения Макеева очаровательная Наташа. Ребята были из 5-го взвода, «классной дамой» которого был ее муж. Номер был хореографический. Незадолго до этого основательница и бессменный руководитель всемирно известного хореографического женского ансамбля «Березка» Надежда Надеждина создала мужскую группу танцоров. У нас же Наташа создала «женскую» танцевальную группу с намеком на японский театр Кабуки, где дамские партии исполняют мужики, пардон – актеры-мужчины. А наши танцоры исполняли женский номер с намеком на репертуар ансамбля «Березка». При этом во время танца, вопреки известной поговорке, им ничто не мешало двигаться, если не считать некоторых шероховатостей, вызванных скорее нехваткой времени для репетиций, нежели половыми признаками.

Но если в надеждинском ансамбле исполнительницы в общем номере, как правило, все одного роста, то у нас («исполнительницы») были подобраны по армейскому ранжиру – от мала до велика (или наоборот), всего человек восемь. Начинался этот строй с упитанного верзилы Володи Герасимова и заканчивался коротышкой, примерно в половину его ростом, Сашей Ростовым. Курсанты были одеты в длинные цветастые платья почти до пола, а их головы укрывали платки тоже с цветочным рисунком: завязанные узелком, они подчеркивали скромность и невинность танцовщиц.

Но самыми эффектными выглядели на их телесах груди, которые,

в отличие от «застенчивости» головных уборов, смотрелись весьма аппетитно и вызывающе. Груды также определяли предельно допустимое сближение между танцорами. Я терялся в догадках, сколько же подруг Наташе пришлось раздеть, чтобы снабдить это подразделение лифчиками и другой дамской атрибутикой, ведь «женская» группа получилась очень естественной и колоритной. Впоследствии я узнал, что гардеробчик был из театра таллиннского Дома офицеров флота.

Под мелодичный народный напев группа, словно чистый лесной ручеек, медленно поплыла по сцене. Первый танцор, пардон, танцорша, величаво прокладывала потоку русло и определяла его направление. Умилительно было лицезреть это шествие. Невольно на ум приходила песня из репертуара Людмилы Зыкиной про рязанскую Мадонну, которая, раздвигая грудью рожь, белым лебедем плыла к любимому. Все шло, точнее – текло, замечательно. Чувствовалось мастерство и хореографа, и исполнителей. Но в одном из эпизодов, когда танцоры должны были изобразить колышущуюся рожь или волну, последовательно наклоняясь и выпрямляясь, одна из «плывающих» где-то в середине ручейка наступила на подол «плывающей» впереди. Танцор, о платье которого только что вытерли ноги, едва устоял на ногах, а другие, оказавшиеся в хвосте, едва не навалились друг на друга, словно вагоны резко затормозившего паровоза. Образовался разрыв в потоке, как на речном перекате. Надо отдать должное исполнителям – они быстро сориентировались, и вскоре ручеек снова слился в одно русло.

Но это было не последнее испытание для хореографического коллектива. У первой величавой танцовщицы под платьем вдруг оторвалась... правая грудь. Это была почти катастрофа. Но Вовка Герасимов проявил завидную реакцию. Он перехватил орган где-то в районе пупка и водрузил его на то место, откуда он и должен был расти. При этом его лицо сохраняло блаженное выражение, будто все шло по сценарию. Танец он закончил, торжественно придерживая грудь, словно она, как у роженицы, была переполнена грудным молоком.

Номер удался на славу. Восторг и аплодисменты зрителей не заставили себя ждать. Успех был полнейший.

Другой не менее эффектный номер на этом смотре изобразил мой земляк Саша Костерин. Он казался малоразговорчивым скептиком.

И чтобы побудить его к публичному выступлению, надо было очень постараться. Но все же увлеченность в нем существовала. Земляк был невысокий и худощавый, но по-спортивному сложен. Поэтому неудивительно, что с начала учебы он примкнул к компании Володи Шамшева, который с единомышленниками почти все свободное время возился со штангой и гириями. Но вскоре ему это надоело, и он переключился на занятия с Колей Добриным.

Коля – невысокий коренастый парень с приплюснутым по-боксерски носом. Но не только нос картошкой говорил о боксерском «происхождении» парня, но и две пары соответствующих перчаток. Шурик загорелся Колиным увлечением, когда на первом курсе тот послал в нокаут тогдашнего нашего командира взвода Валеру Быкова. Быков, действующий боксер и постоянно участвовавший в турнирах, подзадоривал скромнягу Добрина, дескать, ты только треплешься, что кандидат в мастера спорта по боксу, а сам просто «понты кидаешь». И вот однажды он все-таки спровоцировал на спарринг этого скромнягу, уступавшему ему и в весовой категории, и в росте. Коля правым хуком в подбородок уложил заносчивого соперника на пол, чем завоевал всеобщее уважение сокурсников и в первую очередь Шуры Костерина. Но после одного из таких же тренировочных поединков Шурик охладил к этому занятию. Он понял, что его тонкий нос среднего размера никогда не станет приплюснутым боксерским, а скорее будет свернут набок, как у алкаша возле пивнухи.

Благо у нас был любимчик взвода Коля Молчанов – веселый и остроумный добряк. К тому же был музыкален – хорошо играл на гитаре и неплохо пел. Шурик пристал к нему с просьбой научить музицировать на гитаре. Мне трудно охарактеризовать музыкальные способности Костерина, но если следовать народным приметам, то ему если не медведь на ухо лапой наступил, то явно кабанчик копытцем пробежался по слуховому органу. Тем не менее Коля Молчанов взялся за это непосильное дело, и вскоре Шурик озвучивал туго натянутые струны музыкального инструмента. Какая там была техника музыкального исполнения – аккорды или переборы или еще какой-то прием, трудно сказать, но в репертуаре Шурика появились две песни, которые он постоянно бубнил, уединившись в уголке нашего кубрика. Одна песня была патриотического содержания,

из репертуара Высоцкого – «Друг, оставь покурить, а в ответ тишина / Он вчера не вернулся из боя». Слова второй песни Саша заучил еще до поступления на учебу. Это была лирическая турецкая песенка из репертуара Вахтанга Кикабидзе, в которой были такие слова: «Твердят друзья, я сошел с колеи. / Что всю дорогу пью, а я пьян от любви. / От глаз ее и взоров я пьян без вина. / От улиц, по которым прошла она» и т.д.

К этому времени подросел смотр художественной самодеятельности. Ответственные в нашем взводе за подбор его участников Коля Молчанов и Витя Дмитриев убедили новоявленного барда, что у него великолепные вокальные данные и ему просто необходимо показать свой талант публике, то есть на смотре. Исполнить рекомендовали именно лирическое произведение, которое, по их словам, в сердцах курсантов, сильно оторванных от женской нежности и гражданской вольности, должно оставить неизгладимый след. И в выборе парни не ошиблись.

Ведущий объявил номер Александра Костерина. Шурик с гитарой, перекинутой через плечо, довольно уверенно подошел к микрофону, сделал то ли кивок, то ли небольшой поклон публике и, как поется в одной из популярных песен той поры, «осторожно и бережно тронул струну». Но как только гитара издала первый стон, пропал звук, то есть отключился микрофон. Колька Молчанов, который настраивал звукоаппаратуру, метнулся к технике искать разрыв контакта, а вот солист совсем не заметил этого. Немного отвернув голову влево и опустив ее к гитарному грифу, он, казалось, или шепотом слал кому-то проклятья, или молился. Но он пел. Пел, хотя ни гитарного плача, ни его «молитвы» слышно не было. Сидящие в зале, глядя на его позу, возможно, подумали, что маститый музыкант настраивает гитару на «лирический лад», и поэтому особо не возмущались. Но маэстро играл и пел. В своем творческом порыве он улетел куда-то в заоблачные высоты и абстрагировался от всех реалий.

Саша рассказывал, что в родном Рыбинске у него есть любимая девushка, на которую он положил глаз, когда ей было всего 15 лет. Сейчас она почти совершеннолетняя, и у них появились первые взаимные лирические контакты. Видимо, эта трогательная песня была посвящена именно ей, а Шурик, напевая, представлял образ возлюбленной и в своем возвышенном порыве улетел далеко-да-

леко от этого зала. Он, как глухарь в весеннем лесу, токовал, желая быть услышанным только ею одной.

Что касается творческого жанра, в котором работал музыкант, то его можно сравнить с речитативом былинного Бояна, который, монотонно перебирая струны гуслей, отрешенно вещает о подвигах далеких предков. Ну а если не залезать в эпические дебри, то Шурик, вполне вероятно, стал одним из первопроходцев современного музыкального направления в попсе – рэпа.

Итак, «Боян» вещал, микрофон молчал, а зал начал роптать. Вдруг как гром среди ясного неба в зал прорвался звук. И на всю аудиторию с дикторской отчетливостью прозвучали слова заключительного припева Сашиной песни:

«За всех плачу, ла-ла-ла-ла-ла-ла.

А сам не пью, ла-ла-ла-ла-ла-ла.

Ляляля ля-ля-ля. Всё».

Публика сначала не вникла в смысл столь щедрого предложения, но в следующий момент зал захлестнула волна рукоплесканий. Если, как писали газеты того времени, выступления генсека прерывались продолжительными аплодисментами, то здесь были бурные несмолкаемые овации, сопровождаемые выкриками восторга типа «Браво! Брависсимо!» и деловыми предложениями типа «Шура, мы тебя любим. Саня не забудь меня, я тебе рубль простил. Санька, сильно не траться, бери ящик бормотухи и – под трамплин» (в лесопарковых зарослях недалеко от Ныммеского лыжного трамплина курсанты периодически устраивали, как некогда ивановские ткачи, свои нелегальные «маевки» с дешевой выпивкой).

Услышав такой восторг, исполнитель и сам словно проснулся или вынырнул из-под воды. Чувство гордости переполняло его сознание. «Эх, жаль, моя девушка не слышит такого успеха, – в сердцах подумал он, – какая бы радость была у нас обоих!»

Но девушка была далеко, а Витька Дмитриев, схватив маэстро за рукав, потащил его за кулисы, пока его не попросили еще раз спеть на «бис». А то эффект от выступления был бы смазан.

Шурик, окрыленный успехом, порывался исполнить вторую песню из своего репертуара, но товарищи возразили:

– Понимаешь, Саша, ты исполнил песню, которую почти никто не знал. Она твоя. Но Высоцкого знают все. Ты же его не переплюнешь. Да и второе твое выступление программой смотра не предусмотрено.

СОЛДАТЕНКО АЛЕКСЕЙ

Конечно же, белые. Красные – вульгарно. Желтые – скучно. Других цветов на рынке и вовсе нет. Поэтому – белые. Вот и сегодня, впрочем, как и в каждую субботу, купив огромный букет белых роз, он в очередной раз набрал Иркин номер.

– Слушаю.

Она, конечно же, догадывалась, кто мог позволить себе позвонить в субботу в восемь часов утра, и потому подняла трубку уже после первого гудка. Сердце застучало сильнее, ладошки вспотели.

– Назови любую причину, по которой мы сегодня опять не встретимся, – даже не поздоровавшись, прошептал в трубку Леха.

Короткий, все объясняющий ответ в очередной раз спустил его с небес на землю:

– Ты женат.

Он ожидал такого ответа. Ирка так отвечала уже в пятый раз, то есть каждую субботу, и потому Леха ответил заранее заготовленной фразой:

– Еще две субботы остались.

Через много лет, случайно встретившись на улице, он понял, что прожил свою жизнь зря, и, пригласив ее в кафе, пообещал звонить семь суббот подряд, пока она не согласится выйти за него замуж.

Он всегда первым клал трубку, и теперь короткие гудки могли означать для нее только одно – через десять минут можно открывать входную дверь. За ней будет стоять всклокоченный Лехин водитель Валентин с огромным букетом белых роз, вручив которые и пробормотав нечто нечленораздельное, он, виновато улыбнувшись и откланявшись, как правило, ретируется.

Ирка и Леха выросли в одном дворе и он, будучи еще совсем мальчишкой, уже тогда засматривался на нее, однако даже в самых смелых мечтах, представить себе не мог, что когда-нибудь все повернется вот так. Да, формально он был женат, но со своей законной супругой не жил уже несколько лет, и Ирка, конечно, этого не знала, а он был не из тех, кто будет триндеть о том, как у них не сложилось. Да если бы она и знала все это, то, в принципе, неизвестно, как бы поступила, ведь мать воспитала ее в строгих старых традициях.

2

Уже очень давно не происходило ничего интересного. Леха с Яном начали было скучать. Заместитель генераль-

УГОНЩИКИ

ного комиссара полиции Литвы Рачковский несколько раз вызывал их поучить уму разуму. Леха с Яном, как и положено подчиненным, нагнув головы и потупив взгляд, соглашались со всем тем абсурдом, который высказывался в их адрес. Ведь они знали, что «подчиненный пред лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство».

– Нет, я, конечно же, не знаю, но мне просто интересно, когда вы, многоуважаемые сотрудники центрального аппарата криминальной полиции Литвы, раскроете какое-нибудь интересное дело? – начал, медленно расставляя слова, Рачковский. – Или, может, вы не читали приказ генерального комиссара полиции Литвы от 26 января 1996 года «О предоставлении информации средствам массовой информации»? Ну что интересного мне рассказать газетчикам? О том, что вы в кабинете штаны протираете?

– Ну как вы могли даже подумать такое, главный комиссар? – восторженно воскликнул Мякинов. – Да мы с Алексеем каждый день только и ждем, когда же, наконец, появится какой новый приказ генерального комиссара полиции, дабы его хорошенько изучить! А вы такое говорите...

Рачковский безошибочно уловил в голосе Мякинова сарказм.

– Ну-ну. Поговори давай, умник-разумник... – буркнул он и, на секунду задумавшись, не поднимая глаз от лежащего на письменном столе документа, полупшепотом произнес:

– Пять дней. Пять дней для того, чтобы вы хоть что-то интересное сделали.

После этих слов он вообще перестал обращать на них внимание.

– Разрешите идти? – осторожно осведомился Леха.

Рачковский в ответ лишь махнул рукой, указывая на дверь.

3

По длинному коридору Министерства внутренних дел Литвы оба шли молча. Слышно было лишь поскрипывание старого паркета под ногами. Шли медленно, и Ян, сложив за спиной руки, наконец буркнул:

– И что делать будем?

– А я знаю? – процедил Леха. – Хотя нет, погоди. Есть идея! – восторженно воскликнул он.

– Ну и?..

– Выпьем водки? – бодренько предложил Леха.

– Не могу сказать, что плохая идея, – буркнул Мякинов, – давай выпьем.

Ускорив шаг, они двинулись в Лехин кабинет, где у него на всякий случай был припрятан литровый мерзавчик «Столичной». Ян быстренько сбегал к себе в кабинет, принес нарезанное сало и несколько бочковых огурцов. Леха, увидев такой закусон, чуть слюной не подавился и нетерпеливо вздохнул.

– Запах, как на Кальварийском базаре в павильоне, где продаются копчености. Янушек, наливай скорее! – буркнул он, пододвигая стакан, и через секунду добавил: – Это приказ!

Кто-то попытался зайти в кабинет, но, дернув дверную ручку, ретировался.

– Негодяи, – буркнул Леха, кивнув на дверь. – Хорошо, что закрылись. Совсем отдохнуть не дадут.

– Это да, – поддержал его Мякинов.

Не успели они выпить по паре рюмок, как зазвонил телефон.

– Слушаю, – серьезным тоном отозвался Леха.

– А это Вайдас! К нам тут человек с информацией пришел, нужны вы и Мякинов, мне кажется, что-то серьезное, – пролепетал Вайдас. – Мы вас ищем, но вас нигде нет, – виновато пробурчал он.

– Да водку мы с Мякиновым пьем, закрывшись у меня в кабинете, а вы все не угомонитесь никак, то в кабинет ломитесь, то звоните! Хорошо хоть дымохода нет, а то через трубу полезли бы искать нас! Негодяи вы, а не верноподданные, – шутиливо пожурил его Леха.

– Извините, комиссар, – виновато понизив голос, прошептал в трубку Вайдас.

– Ладно, сейчас идем, подождите минуту! – буркнул начальствующим тоном Леха и, выпив рюмку и хрустнув огурцом, налил Яну. – Пошли, Янушек, все равно не дадут посидеть спокойно.

4
В кабинете у Вайдаса сидел работающий под прикрытием агент по имени Коля. Каково было его настоящее имя, не знал даже Леха. Зато знал Мякинов, но никому об этом не говорил. Даже Лехе. А зачем? Работает себе человек и работает. Дает и дает информацию, ну и ладно. Зачем его настоящее имя кому-то знать? Даже Лехе. Ну зачем? Внедрен он с соответствующей легендой в бандитскую группировку, занимающуюся кражами машин, и все.

Вайдас достал из-под стола откупоренную бутылку водки. Протерев стакан пальцем и налив треть, подал Коле:

– Ну давай, Колян!

Тот глотком выпил содержимое, поставил стакан на стол, жадно втянул носом воздух и занялся рукавом. Вайдас тут же налил еще и, искоса глянув на Леху с Яном и пожелав всем здоровья, скромно выпил.

– Нет, ну ты посмотри, Янушек, что творится в Управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел. Пьянство сплошное! – развел руками Леха. – Оказывается, мы с тобой самые скромные. Закрываемся в кабинете, сидим, как мыши, и тихонько так, скромненько, по рюмочке можем себе позволить. А здесь – пожалуйста! Двери нараспашку, и хлыщем водку даже без закуски! Заходите, присоединяйтесь. Хорошо хоть девок голых не привели!

– Как ты, Коля? – сменил тему Ян.

– Да все так же, начальник.

– Интересное что принес или так заглянул? – продолжил Мякинов.

– Да есть кое-что, – загадочно бросил тот.

– Ну и?..

– Ну и очень хотят бандиты девятку ворованную купить, чтоб в Беларусь перегнать. Заказ такой имеют, вот и ищут.

– Кто ищет, тот всегда найдет! – сказал Леха и, постучав пальцами по столу, спросил Мякинова: – Янушек, у нас есть что продать гражданам – товарищам бандитам?

– Есть у нас одна изъятая красная девятка. Эксперты дали заключение, что установить ее первоначальные данные не представляется возможным, так как все идентификационные места изменены или вырезаны.

– И это очень и очень радует нас! – дополнил улыбающийся Леха.

– Радует что? – уточнил Мякинов.

– Радует то, что мы теперь имеем что продать, Мякинов! – похлопал его по плечу Леха.

– Ну да, еще с прокуратурой согласовать надо и кучу бумаг подготовить, – промямлил тот.

– Хорошо, что у нас с тобой подчиненных целая куча, Мякинов! Они же все бумаги и подготовят! Вот прям сейчас перестанут пить водку и сразу начнут документы готовить! Правда, Вайдас? – сказал Леха, строго посмотрев на Вайдаса.

– Так точно, комиссар, немедленно начнем подготавливать документы! – встав, отрапортовал Вайдас.

5
Через два дня подготовили «модель имитации преступной деятельности», которая была согласована с генеральным комиссаром полиции Литвы и утверждена Генеральной прокурату-

рой Литовской Республики, о чем на титульном листе документа свидетельствовала жирная гербовая печать и длинная подпись заместителя генерального прокурора Литвы.

Изъятый ранее у бандитов ворованный автомобиль ВАЗ 2109 был пригнан во двор МВД, где сотрудники службы оперативной деятельности целый день пытели, начиная его всевозможным видео- и аудиооборудованием, маячками, посылающими сигнал о местонахождении автомобиля, и прочей «требухой».

6

Через несколько дней появился Коля. Мякинов сообщил ему, что машина подготовлена, он может ее забрать и продавать на здоровье сколько вздумается. Коле были торжественно вручены ключи от автомобиля, а под его рубахой установлена аудиозаписывающая аппаратура. Ну, чтоб разговор с бандитами записать.

Коля сел в машину и уехал. Но уже через полчаса позвонил Мякинову:

– Ян, это опять я! – бросил он. – Я тут пораскинул мозгами чуток и понял, что не могу бандитам показать машину прямо на улице, мне гараж какой-то нужен. В гараже ее надо показать, иначе вопросов будет уйма. В общем, я с ними через час встречаюсь. Все нужно очень быстро организовать!

– Перезвони через десять минут, – сказал Мякинов и, положив трубку, быстрым шагом направился к Лехе.

Зайдя без стука в кабинет, он уже с порога заверещал:

– Леха, гараж срочно нужен, он не может бандитам машину показывать на улице!

– А у тебя нет?

– Нет.

– А у твоих пацанов?

– Да откуда у них? Плохо дело... – протянул Мякинов, устало опустившись на стул. – У тебя тоже, как я понимаю, нет?

– У меня нет. Потому что я очень честный и потому очень бедный. Понял, Мякинов? Не на что мне гаражи покупать, – пошутил Леха.

– Да понял я, понял.

– Но вот у родичей моих... – откинувшись в кресле и медленно расставляя слова, пробурчал Леха.

– Ну, не тяни уже! – встрепенулся Ян. – Что у родичей твоих? Есть гараж?

– Есть! Есть, Мякинов, у них гараж! Прекрасный гараж! Старый, ржавый, выкрашенный ужасной зеленой краской, наипрекраснейший гараж в гаражном массиве на улице Жирню!

– Ну так чего же мы ждем? Ведь через час встреча Коли с бандитами! Давай ключи скорее!

– Не мельтеши, Мякинов, – пробурчал Леха и, взяв со стола клейкий листок, стал на нем что-то записывать.

– Вот адрес родичей, сейчас позвоню, чтобы отдали ключи от гаража Валентину.

Мякинов буквально вырвал записку у Лехи и набрал номер телефона Лехино водителя.

– Валентин! Быстро лети к комиссару в кабинет!

Тот появился секунд через двадцать. Леха и Ян очень уважали его. Более преданного своему делу и добросовестного водителя, наверное, во всем Министерстве внутренних дел не было. Он действительно был похож на сказочного Балду, которого одели в костюм, и теперь он не знал, как себя вести и что делать. Вечно жующий жвачку, всегда заспанный, лохматый, но зато в костюме.

Зайдя в кабинет, он расплылся своей «обворожительной» добродушной улыбкой:

– Здравсьте вам! Ну, если комиссары кричат, значит, дело будет! – улыбнулся он.

– Будет, Валентин, будет! – сказал Леха. – У тебя случайно нет гаража?

– Никак нет! – отрапортовал тот. – Не имеется.

– Ну, значит, ты такой же бедный, как и я, – начал было Леха, но Ян, видя, что сейчас опять начнется разговор ни о чем, перебил его:

– Вот тебе адрес, Валентиныч, лети быстро к родителям комиссара, они тебе ключи от гаража дадут. Привези быстро!

– Я мигом! – бросил Валентин и, видя нетерпение в глазах Мякинова, полубегом выстрелил из кабинета.

7
Через пятьдесят минут «девятинка» стояла в металлическом гараже в гаражном массиве. Оперативники, ответственные за прослушку, слушали и записывали разговор Коли с бандитами. Договорились о цене, и было слышно, как отсчитываются деньги за машину.

– Колян, без обид? – спросил один. – Все по чесноку?

– По чесноку, – подтвердил тот. – Забирай в свой сарай, Дим Димыч!

– Стой-стой, Колян, ну ты че? Куда мы сейчас его денем? Дай нам несколько дней, братуха. Нам же документы подготовить надо. Опять же, номера перебить. Да к тому же проверить все надо! Все ли работает, все ли в порядке! Потерпи несколько дней!

– Ну, сказал и все! Мы ж всегда договаривались.

– Вот и ладненько, – обрадовался Дим Димыч, – давай ключи!

Коля отдал ключи от гаража и, оставив братву, потопал к выходу из гаражного массива.

– Колян, погоди, подвезем! – окликнул его Дим Димыч, но тот, крикнув, что за ним приедет дама сердца, удалился.

Братва дружно посмеялась над выражением «дама сердца» и, наконец угомонившись, оставила Колю в покое.

8
Мякинову, Лехе и всем операм отдела по расследованию краж автотранспорта было чем заняться. Четыре оперативных уполномоченных работника теперь круглые сутки находились на горке возле гаражного массива и, прячась в кустах, наблюдали за гаражом. Менять их было некем, и потому они организовали наблюдение таким образом, что двое всегда наблюдали за объектом, а остальные могли отдохнуть в машине.

Однако работали не только они. Оперативная уполномоченная того же отдела Эдита сутками сидела на работе, не отходя от телефона и поддерживая постоянную связь с сотрудниками службы оперативной деятельности. Работали и другие подразделения, например, сотрудники слежки, работу которых никто явно не видел. Опера их называли «Семеркой». Ян с Лехой официально заказали слежку за гаражом и находящейся в нем машиной. Остальное делали они. Как они организовывали свою работу, Лехе и Яну было все равно. Они – профессионалы своего дела, а потому за них не стоит беспокоиться. Лишь однажды Мякинов как бы между прочим спросил Леху:

– Знаешь, кто в «Семерке» бригадир?

– Не-аЮ – буркнул тот.

– Баба. Ниелькой зовут. Как конь, такая здоровая.

– Да ну!

– Да я те говорю! Пацаны аж пищат, как она их держит! Как говорится, и коня на скаку остановит, и в горящую избу зайдет!

– Н-да, Мякинов, повезло тебе с твоими пацанами, что я не женщина.

– Ха-ха! – прыснул со смеху Ян. – Это уж точно.

– Слышь, Янушек, – оживился вдруг Леха, – а вот скажи мне, ты мог бы в горящую избу зайти?

– Нет, конечно, – ответил тот.

– А коня на скаку мог бы остановить?

– Ты что, больной? Нет, конечно! – удивился Мякинов.

– Вот знаешь, Янушек, за что я тебя уважаю?

– Ну и за что?

– За то, что ты не баба!

9

Прошло пять дней. Все это время бандиты занимались подготовкой машины. Дим Димыч привез человека, который целых три дня перебивал номер кузова автомобиля, изменял или уничтожал все места на машине, по которым хоть как-то можно было идентифицировать автомобиль. Хуже всего в эти дни пришлось сотруднику службы оперативной деятельности, ответственному за прослушку. Он то и дело снимал наушники и давал ушам отдохнуть от постоянного стука молотка по железу. Еще через два дня Дим Димыч сообщил своему подельнику, что документы готовы. Он сказал об этом в гараже, потому все стало известно сотрудникам полиции.

– Скоро погонят! – пораскинул мозгами Леха.

– Это точно, – согласился Мякинов.

– Нужно наших пацанов предупредить, пусть будут начеку. Измаялись совсем. Видел, как Вайдас зарос?

– Ага. Как черт небритый! – вострепнулся Леха. – Не на мента, а на террориста больше похож.

В кабинет зашла Эдита и доложила:

– Звонило начальство службы оперативной деятельности.

– И?.. – нахмурил брови Ян.

– И сказало, что Дим Димыч по прослушке сказал, что машина и документы уже готовы и что теперь остается только проверить ее техническое состояние. Вот.

– Еще что-то? – спросил Мякинов.

– Дим Димыч сегодня вечером привезет механика, который будет проверять техническое состояние машины, – отрапортовала Эдита.

– Да и хрен с ним, пусть везет своего механика, – махнул рукой Леха.

– Не совсем хрен, – шепнула Эдита, переминаясь с ноги на ногу.

– Не тяни уже, говори быстрее! – пожурил ее Мякинов.

– Дело в том, что вся аудио- и видеоаппаратура, а также маячки и вся прочая дрянь смонтирована под двигателем и днищем машины. Если кто полезет под машину, то увидит всю аппаратуру. Вот.

– Ну что «вот»? – вставил Леха.

– Ну, в общем, они просят дубликаты ключей от гаража, чтобы до вечера успеть снять аппаратуру.

Леха ничего не ответил. Откинувшись в кресле, он закрыл глаза и замер.

– Эй, Леха, ты чего? – ткнул его пальцем Мякинов. – Нет времени на сон! Звони родичам, пусть дубликаты ключей дадут!

– Успокойся, Янушек, не мельтеши. Нет у родичей дубликатов ключей. Понимаешь? Нет дубликатов.

– Как так нет? – развел руками Мякинов. – Так что же делать будем?

– Вот я и думаю, Янушек, думаю о том, что же мы с тобой делать будем.

– Если это все, то можешь идти, Эдита, – устало махнул рукой Мякинов и совершенно без надежды посмотрел на Леху, который, открыв глаза, но все еще втиснувшись в удобное кресло, как-то хитро глядел на него и улыбался.

– Ну и че ты, комиссар, скалишься? Весело тебе? – раздраженно прохрипел Мякинов. – Механик полезет проверять ходовую часть. Под машиной увидит аппаратуру. В общем, завалим мы с тобой, Леха, всю операцию. А ты, вон, скалишься, как полоумный. Как снять аппаратуру? Придумай что-нибудь!

– Не шуми! Есть идея. Только с начальством надо согласовать и убедить.

– Ну, не тяни кота за все подробности! Говори уже! – почти прокричал Мякинов.

– Сколько времени у нас сейчас, Янушек? – осведомился Леха.

– Девять часов тридцать минут! – отрапортовал Мякинов. – Что дальше?

– Значит, до вечера у нас еще уйма времени, а потому, комиссар-инспектор Ян Мякинов, приказываю вам немедленно открыть стенной шкаф и порезать имеющиеся там бочковые огурцы и докторскую колбасу! Пить водку будем, Мякинов! Я лично тебе налью! Вот так вот!

Мякинов удивленно взглянул на Леху:

– Операция на грани срыва, а мы водку пить будем?

– Операция продолжается, Мякинов. И поверь мне, никто и ничто нам не помешает.

Видя, что Ян медлит, Леха лениво поднялся с кресла, подошел к шкафу, открыл его и принялся нарезать колбасу с огурцами. Мякинов подошел ближе и, ничего не понимая, стал просто наблюдать за этим. У него не укладывалось в голове, как Леха, который сам был инициатором этой операции и всегда отличался ответственностью, вдруг так расслабился.

Налив Яну полстакана, Леха подошел к нему:

– Ну, давай, за удачное завершение нашей операции!

Мякинов выпил молча и, поставив стакан на полку, даже не закусив, вопросительно посмотрел на комиссара.

– Не торопи меня, Янушек, лучше налей! Или я сам себе должен налить? – кинул Леха.

Мякинов налил. Леха выдохнул и одним глотком выпил содержимое. Поморщившись и хрустнув огурцом, он медленно заговорил:

– Янушек, ты только подумай, ведь мы с тобой менты, правда?

– Правда! – коротко ответил тот.

– И не просто менты, а противные менты. Я, например, никого противнее тебя еще не встречал, Янушек. Ну я тоже не подарок, вообще-то. А противные менты всегда придумывают для бандитов разные гадости. Вот я и придумал, Мякинов, кое-что.

– Да говори уже! – взорвался Ян.

– Ну, в общем, сегодня вечером мы с тобой берем нашу ментовскую белую VW Vento, ставим на крышу синий проблесковый маячок, надеваем форму и перетягиваем все это белой гаишной портупеей.

Мякинов удивленно смотрел на комиссара, все еще не понимая, серьезно тот говорит или в очередной раз несет белиберду. Леха продолжил:

– Въезд в гаражный массив только один, со стороны улицы Жирню, так?

– Так! – насторожился Мякинов.

– Так вот! Мы с тобой, такие все красивые, в форме, перепоясанные белыми портупеей, на ментовской машине с маячками, грациозно и медленно приезжаем и становимся около въезда в гаражный массив. А потом оставяем все машины, которые пытаются свернуть в гаражный массив. Все думают, что противные менты занимаются проверкой документов и не более того.

– Ну, а дальше? – вставил Ян.

– А дальше мы знаем все их машины. И модели, и госномера. Так?

– Так!

– Если они приедут, мы их остановим для простой и обычной проверки документов. Проверая их, мы сможем, как настоящие противные менты, прицепиться к сорока восьми разным вещам. Так или нет, Мякинов?

– Так! – согласился Ян.

– Тогда давай я тебе налью еще чарочку, – произнес Леха и, налив Яну, подтолкнул к нему стакан.

– Ты говори, говори! – бросил Ян. Потом опрокинул стакан, положил на ломоть докторской колбасы кусочек огурца и отправил все это в рот.

– Так вот, Янушек, прицепимся мы к ним, как клещи противные, и...

– И что? – не выдержал Мякинов и, налив Лехе полстакана, поставил стакан на полку.

– Ну как что? Мы с тобой, Мякинов, как честные и я даже не побоюсь этого слова, неподкупные менты, просто обязаны доставить нарушителей закона в ближайший комиссариат полиции для установления их личностей и

выяснения всех подробностей правонарушения.

– Ну и что? Что?! Что нам с этого, Леха?!

– Ну как что? Что делают с людьми, доставленными в комиссариат полиции для выяснения обстоятельств?

– Закрывают в «духовку», то есть в помещение для временно задержанных. Но что нам с этого, Леха?

– А закрывая человека в «духовку», или в помещение для временно задержанных, называй как угодно, что делают с ним?

– Обыскивают и временно забирают у них все вещи... – промямлил Ян, наконец-то начиная понимать, куда клонит комиссар.

– Правильно, Янушек. Все имеющиеся у них вещи изымаются, а сами они задерживаются на три часа для выяснения обстоятельств дела. Вместе с вещами у них изымаются и ключи от дома, подвала или гаража, которыми они могут навредить себе или покалечить других людей, находящихся с ними в одном помещении. Так?

– Так! – согласился Ян.

– Думаю, что этих трех часов будет достаточно, чтобы сотрудники службы оперативной деятельности могли попасть в гараж и снять аппаратуру с машины.

– Леха, ты гений! – только и смог сказать Мякинов.

– Да ладно, я всегда это знал. Мне еще мама об этом говорила.

– От скромности ты не умрешь, братуха! – засмеялся Мякинов.

10

Леха и Ян целый час отчитывались у заместителя генерального комиссара полиции Литвы Рачковского о ходе проводимой операции и уговаривали его согласиться на предложенный Лехой план. Разговор был долгий и тяжелый и проходил на повышенных тонах. Сегодня они много чего услышали в свой адрес. Наконец, заместитель генерального комиссара полиции выдохся и сказал, что не представляет, какой debil мог придумать подобное. Рачковский махнул рукой в сторону двери и прохрипел:

– Делайте, что хотите, но чтоб операция прошла успешно и все бандиты были задержаны! Все! Вы слышите?! Все! Пошли вон!

– Видишь, как все хорошо прошло, Мякинов! – обняв Яна за плечи, пропел Леха. – Нас с тобой даже не отлупили. Более того, нам разрешили поступить так, как мы с тобой считаем нужным. Знаешь, Мякинов, после этого разговора с Рачковским я начинаю подозревать, что он – добрейшей души человек.

- Ага! Нежный как теля... – прыснул со смеху Мякинов.

Идя в кабинет Мякинова и обсуждая компетенцию Рачковского и его манеру общения, они смеялись до слез.

- Знаешь, Мякинов, я все же подозреваю, что он сказал неправду! – сказал Леха.

- Кто? – спросил Мякинов.

- Ну, Рачковский. Помнишь, он сказал, что я тупой?

- Ну?

- Что ну? Врет он, Мякинов, и не краснеет. Моя мама мне говорила, что я самый красивый, самый высокий и самый умный! И что? Значит, моя мама мне врала? Нет! Никогда! Все мамы говорят только правду. Поэтому я подозреваю, что Рачковский, назвав меня тупым, врет! Вот как я его раскусил, Мякинов!

Ян с Лехой так смеялись, что на них стали обращать внимание проходящие по коридору офицеры.

- Ну что, по соточке? – предложил Леха.

- Нет, сегодня вечером мы с тобой должны еще много чего сделать. Подождем до вечера, – отказался Ян.

- Ты – гадкий, противный и просто несносный подчиненный! Я только теперь начинаю понимать, что все сказанное Рачковским в отношении тебя, – правда, – буркнул Леха и пошел в свой кабинет гладить форму.

11

- Ой, какой вы красивый! Так непривычно видеть вас в форме! – увидев Леху, всплеснула руками Эдита. – Ой, и Мякинов в форме! Ну, красавцы!

- Понятно, что я все равно красивее его, правда, Эдита? – осведомился Леха.

- Да оба вы хороши, оба! В белых портупях! – зарделась та.

- Давай поспорим, Мякинов, что Валентин будет спать в машине, – сказал Леха.

- Зачем спорить? Конечно будет! По-другому и быть не может!

12

К четырем часам дня у входа в Министерство внутренних дел стоял белый вымытый VW Vento с проблесковым синим маячком на крыше. За рулем сидел всклокоченный Валентин. Барабаня пальцами по рулю в такт музыке, доносящейся из динамиков, он жевал жвачку и ждал Мякинова с Лехой. Однако уже через несколько минут стук пальцев по рулю прекратился, и Валентин, удобно откинувшись в водительском кресле, сладко засопел. Так сладко, что из его открытого рта вывалилась жвачка и упала на кресло.

- Смотри, Леха, спит, как младенец! – указал Мякинов на Валентина.

- Ага! Аж слюна на пиджак свисает! – согласился Леха. – Валентин! Валентин! – прокричал комиссар, тряся его за плечо.

- А! Что? – открыл глаза Валентин, озираясь по сторонам. – Уже едем?

- Едем! Слюни вытри и едем, – буркнул Мякинов.

Утершись рукавом, Валентин пробурчал в свое оправдание что-то нечленораздельное и, приоткрыв окно, завел машину.

До поворота к гаражам на ул. Жирную долетели за десять минут. Поставив автомобиль у поворота, Валентин включил синий проблесковый маячок. Леха с Яном уже хотели выйти, но обратили внимание на Валентина, который, поерзав на сиденье, стал что-то искать.

- Ты че потерял, Валентин? – спросил Мякинов.

- Да жвачка куда-то подевалась, – пробурчал тот.

- А ну-ка выйди из машины! – помянул его Леха.

Валентин вышел, а Леха с Яном, взглянув на него, так и прыснули со смеху.

- Ну вы че, в самом-то деле? Че вы ржете?

- Посмотри, Ян, ты только посмотри на него! – задыхаясь от смеха, просипел Леха, указывая на Валентина. – Жвачка у него изо рта выпала на сиденье, и он, ерзая своей сракой, всю ее по брюкам размазал!

Действительно по всем штанам Валентина расплзлись следы разъяренной жвачки, и теперь он ахал и охал, пытаясь получше рассмотреть свою задницу, отчего Леха с Яном захохотали еще громче.

- Ай, что моя Анжелка скажет! – запричитал Валентин. – Она убьет меня!

- Что, прям насмерть? – поинтересовался Леха, еле сдерживая смех.

- Прям насмерть! Но перед смертью еще помучает! – отозвался Валентин.

- А давай бензином потрем! – предложил Мякинов.

- Точно! Бензин отмое, – согласился Леха.

Валентин достал тряпку и, смочив ее бензином из канистры в багажнике, стал тереть брюки. То ли тряпка была грязная, то ли бензин с маслом, однако теперь брюки Валентина с тыльной стороны стали похожи на одно большое, влажное маслянистое пятно.

- Ну как, лучше? – спросил он у Яна и, задрав пиджак, повернулся к нему задницей.

- Я могу дать тебе только один совет, Валентин, – с очень серьезным

лицом сказал Леха, разглядывая его брюки, – когда придешь домой, скажи своей Анжелке, что у тебя очень болел живот и ты хотел тихонько пукнуть.

- И что?

- Ну и обосрался...

- Смешно вам, комиссары? – грустно и даже обиженно буркнул Валентин.

- Да ладно тебе, Валентиныч! – обнял его за плечи Леха. – Я тебя, наверное, и уважаю за то, что ты этакий Балда!

Велев Валентину не выходить из машины, Ян с Лехой, как самые что ни на есть всамделишные гаишники, принялись останавливать проезжающие машины для проверки документов. Мякинов ради такого случая даже жезл где-то раздобыл, настоящий гаишный.

13

Леха с Яном, войдя в роль гаишников, усердно проверяли документы водителей останавливаемых ими машин. Все было бы совсем и неплохо, однако без происшествий не обошлось. Метрах в ста пятидесяти от того места, где они стояли, на виадукке были настоящие сотрудники дорожной полиции. Они уже около часа наблюдали за ними и, наконец, не выдержав, сели в машину и проехали мимо Лехи с Яном со скоростью около 60 км/ч. Оба сотрудника дорожной полиции чуть шеи себе не вывернули, глядя на них.

- Ну проехали и проехали... – пробурчал Ян.

- Да нет, не проехали, – бросил Леха, – вон разворачиваются, сейчас еще раз поедут.

- Они всех своих в лицо и по именам знают. А тут, откуда ни возьмись, мы с тобой на неизвестной им машине. Да и фейсы наши им незнакомы. А еще в кои-то веки разом два комиссара на улице с жезлами. Вот они и не понимают, что тут происходит. Смотри, опять едут, – сказал Ян.

На этот раз сотрудники дорожной полиции ехали со скоростью около 20 км/ч, явно показывая свое недоумение.

- Все, объясняться надо! – сказал Леха, – иначе они всю дорожную полицию на ноги поднимут и невесть чего еще наделают. Смотри, по радиации уже что-то базарит! Тормози их, Ян!

Мякинов вышел на проезжую часть и, махнув жезлом, остановил машину дорожной полиции. Те остановились, и в открывшееся окно высунулось недоумевающее лицо сотрудника дорожной полиции.

- Приветствую вас! – поздоровался Леха и, достав удостоверение и подав полицейскому, представился: – Ко-

миссар отдела расследований имущественных преступлений Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Литвы. А это, – Леха кивнул на Яна, – мой заместитель Ян Мякинов, начальник подотдела по раскрытию краж автотранспорта.

Полицейский вернул удостоверение и, вопросительно взглянув на Яна и Леху, проговорил:

– А мы смотрим, вроде машина не наша, люди в форме дорожной полиции, но тоже не наши...

– Тут проходит операция по линии криминальной полиции и весь этот маскарад нам необходим. Прошу вас не обращать на это никакого внимания и не мешать. Это все, что вам необходимо знать. Если данной информации недостаточно, вы можете доложить своему начальству, которое может связаться с моим начальством и получить исчерпывающую информацию. Моим непосредственным начальником является начальник управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Литвы Олег Мажуйков.

Доводы комиссара, видимо, убедили полицейских. Отдав честь, попрощавшись и закрыв окно, они удалились.

14

– Ну что, Леха, уже девять часов, наверное, не приедут они сегодня, – предположил Мякинов.

– Да, наверное, не приедут, – согласился тот.

– Что делать будем?

– Дело ясное, звони в службу оперативной деятельности, пусть присылают специалистов по вскрытию замков. Как-то попасть туда все-таки надо.

Мякинов достал сотовый телефон и набрал номер.

– Мы с комиссаром на повороте в гаражный массив, будем вас ждать. Давайте побыстрее.

Стемнело, и теперь лишь тусклый свет придорожных фонарей кое-как освещал улицу. Закинув жезлы в салон, Леха с Яном облокотились на багажник машины.

– Курить будешь? – спросил Леха.

– Ты же знаешь, я не курю, – буркнул Ян.

– А я затынусь чутка, – с усладой проговорил Леха, прикуривая сигарету.

Стояли молча, наконец Ян спросил:

– Ну как там у тебя, Леха?

– Что как?

– Ну с Иркочкой как?

– Да никак, – раздраженно бросил тот. – Покупаю каждую субботу розы, и Валентин завозит ей, но пока все тшкетно. Последняя суббота осталась. Потом перестану звонить. Насильно

мил не будешь! Вот так вот, Янушек! – Леха похлопал его по плечу.

– А ты понимаешь хоть, что творится? – пожалел его Ян. – Ну, как она могла отвергнуть такого человека, как ты! Человека, который достиг глубин вильнюсских притонов и общается с самыми отъявленными бандитами Литвы! Неблагодарная! Но ты не беспокойся. Найдем мы тебе бабу, детей наделаем, только живи себе на здоровье!

Они так хохотали, что даже разбудили спящего в машине Валентина.

– А че вы тут ржете, комиссары? Случилось что?

– Да спи ты! – еле сдерживая смех, махнул рукой Мякинов.

15

В гаражном массиве творилось много интересного. Служба слежки, так называемая «семерка», работала, как говорится, по полной программе. Сотрудники этой службы также имели разговор с заместителем генерального комиссара полиции Литвы Рачковским, который лично проинструктировал их о всех возможных действиях. Рачковский не постеснялся заметить, что «на этих двух обалдуев комиссаров Леху и Яна особо надеяться не стоит, и главное – не проморгать автомобиль». Поэтому все сотрудники упомянутой службы, участвующие в операции, уже почти неделю прятались в гаражном массиве и негласно следили за гаражом, в котором находилась машина.

Сторожа, конечно же, вычислили, что здесь творится нечто необычное. На одних и тех же машинах в день по два-три раза меняются номера, снуют какие-то подозрительные люди, прячутся за гаражами и кустами или просто сидят в машинах. Именно поэтому, вместо того чтобы спать в своей комнатке у шлагбаума, они втроем целыми сутками шлялись по гаражному массиву, что очень раздражало сотрудников «семерки». Как и следовало ожидать, нервы у бригадирши не выдержали, и она первой пошла на контакт. Подойдя к сторожам, она показала им свое удостоверение и представилась:

– Ниеле Лапикене, майор внутренней службы Министерства внутренних дел Литвы.

Глаза у сторожей стали совсем круглыми. Они дружно уставились на нее, будто никогда бабу не видели.

– Так вот, мы здесь проводим полицейскую операцию. Я вас очень прошу не обращать на нас никакого внимания. В конце гаражного массива есть мой личный гараж, зеленый, под номером 363. Попрошу вас без особой

надобности туда не ходить и не мешать моим людям работать. Договорились?

Ниеле расплылась своей поддельной «обворожительной» добродушной улыбкой. Весь ее вид предупреждал, что лучше сделать так, как она просит. Сторожа согласились с ней:

– А мы смотрим и не понимаем, что же тут такое творится! Но раз это ваш гараж, тогда все ясно, не будем вас беспокоить.

– Ну вот и ладненько, – успокоилась Ниеле. – А ежели что, то меня всегда найдете в черной «мазде». Вы знаете, где она стоит. До свидания.

16

К двадцати трем часам подъехал сотрудник службы оперативной деятельности, специализирующийся на открытии замков. Ян пригласил его в машину и «фольксваген» медленно покотил в гаражный массив. Проехали мимо шлагбаума, свернули в дальний левый проезд. Еще немного вперед, вот и гараж. Вышли из машины, и Леха тихонько сказал Яну:

– Представляешь, сейчас откуда-то за нами наблюдают сотрудники «семерки». Где они прячутся, хрен их знает.

– Интереснее всего то, что они нас не знают. Они просто получили наше задание на слежку – и все, а что это мы их заказали, они не подозревают.

– Да, могу представить, что сейчас творится у них в эфире: «Менты в форме дорожной полиции приехали!», ну или нечто подобное, – рассуждал Леха.

Прибывший с комиссарами сотрудник надел на голову обруч с фонариком и, достав из саквояжа инструмент, стал суетиться у замка.

Темень, хоть глаз выколи. Пока возились с замком, Леха решил осмотреться и медленно, сложив руки за спину, зашагал вдоль гаражей. Какое-то темное пятно привлекло его внимание. Подойдя ближе, определил – машина. Стоит без габаритных огней. «тойота королла». В машине сидят четыре человека. Увидев комиссара, все, как по команде, повернулись на треть оборота влево, чтобы не было видно лиц.

«Понятно, – подумал Леха. – «Семерка» бдит. Правильно, что отвернулись. Негоже лица свои показывать без надобности кому попало».

Он прошел мимо, даже не притормозив, чтобы не смущать сотрудников. Вернулся к гаражу и рассказал Яну о машине, стоящей невдалеке.

– Конечно, «семерка», кто тут еще может быть! – согласился с ним Мякинов.

Замок все еще не поддавался, и Леха, сложив руки за спиной, встал между гаражами. «Удобная позиция для наблюдения», – подумал он и замер.

Вскоре послышались шаги. Леха насторожился. Вот они уже совсем близко. Прошел какой-то парень лет двадцати восьми. Проходя мимо Лехи, он на секунду повернул голову и заметил его. Парень так растерялся, что смешно замахал руками и, обращаясь к Лехе, спросил:

– А вы не видели, здесь такси не проезжало?

– Нет, такси не проезжало, – совершенно спокойно ответил Леха, даже не пошевелившись.

– Да? Ну ладно, я тогда пойду, да?

– Иди, – буркнул Леха.

Парень пошел вперед, прибавляя шаг. Леха пораскинул мозгами: «Если это был сотрудник «семерки», то вроде бы и ничего страшного, однако вдруг это кто-то из бандитов. Тогда все плохо. Он предупредит остальных, и операция будет провалена. Рачковский нас с Мякиновым уволит. Это однозначно».

Полубегом он вернулся к Мякинову и поманил его к машине.

– Просыпайся, Валентин! Заводи свой сарай! Быстро к выезду из массива! Живо-живо!

Машина развернулась на месте и пулей выстрелила на центральную дорогу гаражного массива.

– Вот он идет, Мякинов! Вот он! – указал Леха.

Машина поравнялась с парнем, и Леха с Яном, выйдя из нее, остановили человека.

– Доброй ночи! – поздоровался Леха. – Комиссар Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Литвы. Просим вас предъявить документы для проверки личности.

– А в чем, собственно, дело? – опешил парень, пятясь назад.

– А дело в том, что в настоящий момент здесь проводится полицейская операция и все, кто находится в этом месте, вызывают у нас огромный интерес. Документы! – строго повторил Леха.

– Нет! Я не могу! Вы не имеете права!

– Если вы отказываетесь предоставить для проверки ваши документы, то мы немедленно доставим вас в территориальный комиссариат полиции для проверки личности и будем держать вас там по закону три часа.

– Я должен посоветоваться! – раздраженно прокричал парень и снова попятился назад.

– С кем посоветоваться? – осведомился Мякинов.

– Секунду, секунду! – пролепетал парень и, достав из кармана рацию, стал кого-то вызывать. – Сейчас они приедут! – сообщил он комиссарам.

Через полминуты прилетела черная «мазда», из которой вылетела раздраженная Ниелька. Не обращая никакого внимания ни на Леху, ни на Яна, она подбежала к парню и стала хлестать его по щекам так, что тот аж присел.

– Сука! Сука! – заорала она, как полоумная. – Расшифровался, гад! Сколько вас учить можно? Ни под каким предлогом не расшифровываться! Ни под каким! Ну завезли бы тебя в комиссариат полиции! И что? Через три часа тебя бы отпустили без всяких последствий! Строгий выговор ты уже имеешь, гад!

– Ниеле, успокойся, – совсем спокойным голосом сказал Мякинов. – Молодой еще, научится.

– Да, а пока научится, столько мне личного состава попадет!

Парень полубегом направился к черной «мазде» и, сев на заднее сиденье, замер.

– Ладно, не обижайся, мы должны были проверить, кто такой. А вдруг из бандитов кто?

– Вы тоже хороши! Не могли предупредить, что приедете, да еще в этой форме! Как клоуны, в самом деле! Мы-то ничего не знаем. Передают, что приехали два сотрудника дорожной полиции и теперь пытаются открыть замки. Что нам-то делать?!

– Ну, ладно, прости нас, окаянных, Ниеле, есть как есть. Отдыхайте пока. А нам надо как-то в гараж попасть. Бандиты вот-вот привезут механика, который будет проверять техническое состояние машины и заметит аппаратуру, которой напичкана машина. Дубликатов ключей нету, вот мы и пытаемся открыть гараж и снять с машины аппаратуру.

– Пиз..ки вы! – грязно выругалась Ниеле и уже хотела уехать, но, обернувшись, предупредила: – Сторожа, согласно своей инструкции, каждый час делают обход территории. Смотрите не нарвитесь.

– В кои-то веки сторожа по ночам шляются по территории, а не спят в своей будке? – осведомился Леха.

– А это с тех пор, когда они заметили, что мы тут уже целую неделю сидим, как идиоты. Теперь они показывают нам, как они строго придерживаются своих инструкций!

– Да, дела... – протянул Леха, раскинув руки.

17

Техник подзвал Леху и Яна и сообщил:

– Висячий замок через часик открою, а с внутренним могу провозиться до утра и не дам никакой гарантии, что удастся его открыть.

Леха, почесав затылок, спросил Яна: – Ну и что делать будем?

– Если не получается открыть, ломать надо!

– Замок? – осведомился Леха.

– Да нет же – крышу.

– Крышу? – переспросил Леха.

– Ну да. Через крышу можно залезть, – процедил Ян.

Леха немного помолчал и, с сожалением взглянув на гараж, дал технарю команду:

– Давай через крышу попробуем! Сможешь?

– Наверное, так будет быстрее всего. Высверлю заклепки, и приподнимем крышу. Проще пареной репы, – пробурчал он. – Ну-ка подсобите, – позвал он Леху с Яном и, кряхтя, стал забираться на крышу гаража.

Настроив свет фонарика, закрепленного на голове, технарь стал высверливать заклепки. Леха с Яном стояли внизу и смотрели на него.

– Если надо че помочь, ты говори! – крикнул ему Ян.

– Да справлюсь я, справлюсь! – ответил технарь и вновь зажужжал своей дрелью.

Прошло, наверное, минут пять, и Ян, обернувшись, опешил. Буквально метрах в двадцати по направлению к ним шли три сторожа с собакой.

– Ложись! – только успел сказать Ян технарю. Тот плюхнулся на крышу гаража.

Сторожа подошли совсем близко и вопросительно посмотрели на комиссаров. Технарь лежал на крыше с включенным фонариком на голове. Сторожа просто не могли его не заметить.

«Лучше бы ты стоял на этой крыше, – подумал Леха, – меньше бы подозрений было».

Лехе и Яну очень редко случалось выглядеть полнейшими идиотами, но сейчас была именно такая ситуация, а потому Леха, не придумав ничего лучшего, достал свое удостоверение и сказал:

– Значит, так. Это мой гараж. Я потерял ключи, но мне срочно нужно туда попасть. Поэтому сейчас мы пытаемся открыть этот гараж.

Откуда Лехе было знать, что Ниеле уже сказала сторожам, что это гараж ее.

Сунув удостоверение одному из сторожей, он добавил:

– Идите перепишите мои данные, после чего принесите мне удостоверение обратно. Если сомневаетесь в моих полномочиях, то всегда сможете

через органы внутренних дел установить мою личность. А сейчас я попрошу вас не мешать.

Сторож ответил коротко:

– Хорошо!

Сторожа развернулись и удалились во тьму.

– Сверли давай! – дал команду технарю Леха.

Ян вопросительно посмотрел на него.

– Я тут подумал, Янушек. То, что они не поверили, это факт. Если бы я не дал им удостоверение, то с чего нам верить? А так есть шанс, что они переписут мои данные и успокоятся. В противном случае они вызовут полицию. Сюда припрутся несколько экипажей сотрудников, которым мы должны будем что-то объяснить. Столько шума будет, до утра не успокоятся.

– Наверное, ты прав! – согласился с ним Ян.

18

Сторожа не пошли в сторожку. Они знали, где стоит машина слежки, в которой находится Ниеле.

Она увидела их уже на подходе и заранее открыла окно:

– Ну что вам еще? – устало спросила она.

– Смотрите! – сказал сторож, протянув ей удостоверение Лехи. – У 363-го гаража что-то происходит. Там стоит белый «фольксваген» с мигалкой, в котором спит водитель. Рядом стоят два гаишника в форме, а на крыше гаража какой-то подозрительный субъект с фонариком что-то сверлит. Вот. А один из них дал мне удостоверение, чтобы я его данные переписал. Смотрите, тут написано: начальник отдела Управления уголовного розыска. Наверное, поддельное! – заключил он. – А еще он мне сказал, что это его гараж. А вы мне говорили, что он ваш. Вот...

Ниеле даже не взяла удостоверение и, лишь хмыкнув, очень раздраженно сказала:

– Ну что вы за люди-то такие? Я же просила вас не ходить туда! Просила или нет?

– Просила... – растерянно буркнул сторож.

– Ну так какого хрена вы поперлись туда, болваны?! – заорала она.

Сторожа, не сговариваясь, на шаг отступили от машины.

– Значит, так, – продолжила Ниеле, – удостоверение немедленно вернуть и больше туда не подходить! Узнаю, что за пятьдесят метров от гаража прошли, загоню всех в вашу сторожевую будку и закрою на замок! Всем понятно?

– Понятно! – почти хором пропели сторожа и поспешили в сторожку.

Один из них полубегом направился к Лехе, вернул удостоверение, извинился и проинформировал, что больше их никто беспокоить не будет.

– Что это с ними стало? – спросил Леха.

– Наверняка кто-то сбежал за водкой! Теперь им просто есть чем заняться! – пожал плечами Ян.

Техник, наконец, объявил, что заклепки высверлены и можно поднимать крышу. Крыша оказалась тяжелой, а потому пришлось разбудить для помощи Валентина. Втроем они еле-еле приподняли край крыши, через который и попытался протиснуться техник.

– Валентин! – прохрипел Леха, еле сдерживаясь от напряжения.

– Да?

– Ты это, Валентин, смотри от напряжения не пукни!

– Да ему уже все равно! – встрял в разговор Мякинов. – Штаны-то у него на сраке все равно в масле, если и обсрется, все равно заметно не будет!

Все буквально взорвались от хохота и, конечно же, отпустили крышу, которая немедленно придавила техника. Теперь виднелись только его торчащие наружу ноги. Он очень смешно задрыгал ими.

– Ай, как больно, придурки! Поднимайте! Поднимайте скорее! – прохрипел он голосом червяка, на которого наехал каток.

Крыша была немедленно поднята, и техник тут же соскользнул внутрь гаража. Через полчаса он попросил вытянуть его наружу. Сначала через щель в крыше он подал всю снятую аппаратуру, а позднее выбрался и сам.

19

Дим Димыч привез механика только через два дня. Приехали две машины. «Фольксваген гольф» и «ауди»-«булка». Всего вместе с механиком шесть человек. Пробыли в гараже около часа, однако сотрудники больше не могли ни слышать, ни видеть, что творится в гараже. Аппаратура была снята. Через час «семерка» доложила, что машину из гаража выгоняют и, по всем приметам, будут уезжать. Началась такая суета, что и описать трудно.

– Кто у нас на горе? Кто на горе, Мякинов? – закричал в рацию Леха.

– Аудрюс и Вайдас на красной «венте»! Водила Фещенко! – доложил Ян.

– Хорошо! Связь с СОД у них есть?

– Есть и с ними, и с нами!

– Хорошо! Кто на белой «венте» поедет?

– Эдита и Саулюс! Водила Валентин! Связь у них тоже и с нами, и с СОД!

– А мы с тобой на чем?

– Да сейчас уже нет времени машину готовить! Едем на моей «ланьче»!

– Все по машинам! – дал команду Леха.

20

«Семерка» доложила, что бандиты выезжают из гаражного массива и что первой едет наша «девятка», за которой едет «фольксваген гольф». Замыкает колонну «ауди»-«булка».

– В «девятке» сидят двое! Дим Димыч за рулем и еще один! В «гольф» двое и в «булке» двое! – доложила «семерка». – Наши тоже три машины. Нас не обгоняйте!

– Это понятно! – ответил по рации Ян.

За последней машиной «семерки» следовал красный «фольксваген венто» с Аудрюсом, Вайдасом и Фещенкой на борту. За ними – Леха с Яном на «ланьча дельта». Ян самолично управлял машиной. Замыкал всю колонну белый «фольксваген венто», на борту которого находились Эдита, Саулюс и Валентин.

Как и следовало ожидать, бандиты двинулись в сторону белорусской границы, а потому выехали на Лидскую трассу. «Семерка» доложила, что все останавливаются. Остановилась и вся колонна. Доложили, что из «булки» вышел механик и, попрощавшись с бандитами, пошел в магазин. Колонна опять двинулась в сторону границы. Скорость сто двадцать – сто тридцать километров в час.

Механика уже в магазине задержали сотрудники Управления уголовного розыска, однако бандиты об этом еще не знали. Их преследование никакого комфорта не доставляло. У автомобиля Яна оказались неисправные амортизаторы, и теперь его так колбасило на гравийке, что порой он только чудом проходил повороты и ухабы.

Все средства коммуникации кричали одновременно. У Лехи была рация для связи с сотрудниками «семерки», другая обеспечивала связь с участвующими в операции сотрудниками УУР. Еще был телефон сотовой связи, по которому его постоянно терроризировали заместитель генерального комиссара Литвы Рачковский и начальник СОД Раджонов. У Мякинова также были две рации и телефон. Все четыре рации и два телефона не умолкали. Мякинову с трудом удавалось одновременно рулить и еще управлять ходом операции.

Через дорожную пыль с трудом можно было рассмотреть габариты едущего впереди «фольксвагена».

– Что за дорога-то такая, Мякинов? – осведомился Леха. – Голое поле! На километр, наверное, все просматривается! Ни кустика, ни деревца какого!

Все средства связи опять закричали одновременно, и комиссары уже не успевали отвечать вызывающим. Так продолжалось какое-то время, а потом Ян с Лехой одновременно подняли головы и, посмотрев на дорогу, опешили: впереди по курсу следования метрах в двадцати, был Т-образный перекресток, за которым виднелся довольно большой обрыв.

«Скорость около ста сорока километров в час», – только успел подумать Леха, бросив обе рации себе под ноги. И, взглянув на Яна, совершенно спокойным голосом произнес:

– Можешь не тормозить...

Ян все же попытался, однако скорость была слишком велика, и машина, пролетев перекресток, как выпущенный снаряд, взлетела в воздух.

Дальше все происходило, как в замедленном кино. Когда перед машины стал опускаться, Леха еще подумал, что неплохо было бы прикрыть голову рукой, чтобы она смягчила удар. Однако все случилось настолько быстро, что ни он, ни Ян не успели сгруппироваться. Леха всем своим телом почувствовал удар о землю и посмотрел на Яна. У того голова была в крови. Леха даже не понял, с какого конкретно места она течет.

– Мякинов, живой?!

– Живой! Живой! А у тебя что с головой, Леш?! Ты весь в крови!

При ударе Леха с Яном высадили головами переднее стекло и получили не смертельные, но, как говорится, множественные ранения осколками. Утершись рукавами, они схватили рации и, выскочив из машины, поспешили вылезти из оврага на перекресток.

Подлетел белый «фольксваген» и Валентин, увидев комиссаров в крови, сделал круглые глаза и затормозил.

– Не тормози, Валентин! Не тормози! – закричал Леха, махая руками и направляя Валентина влево по дороге. – Живо! Живо! Догоняй Фещенко!

Валентин еще пытался что-то кричать им, но Леха всем своим видом дал понять, что они с Яном справятся сами.

– Вперед, Валентин, вперед! Догоняй их, догоняй! – закричал Леха в рацию.

– Всем, всем! Комиссары разбились машину! – прокричал в рацию Валентин, информируя участников операции о случившемся.

Рации не умолкали, однако уже через минуту связь с Валентином стала ослабевать и в эфире появились поме-

хи. Леха понял: он послал Валентина не в ту сторону и, как полоумный, заорал в рацию:

– Валентин, назад! Назад, Валентин! Я тебя послал не в ту сторону! Назад!

Валентин ответил, что указание понял, и уже вскоре он мчался назад к комиссарам. На этот раз, игнорируя жесты Лехи, он все же остановился. Леха и Ян запрыгнули в машину. Колеса пробуксовали на грунтовке, и «фольксваген», как угорелый, помчался по пыльной дороге.

Через несколько минут сотрудники «семерки» доложили, что бандиты въезжают в лес и это очень осложнит слежку.

– Мы видим вас! Видим! – закричал в рацию Ян. – «Семерка», остановитесь! Теперь мы сами!

– Всем, всем! Задержать бандитов! – прокричал Леха.

Теперь прятаться было бесполезно. Все равно бандиты уже вычислили хвост. Сумасшедшая гонка продолжалась бы, наверное, бесконечно, но тут операм подфартило. Впереди пограничники некогда прорыли глубокую траншею, символизирующую белорусско-литовскую границу. Бандиты были вынуждены объезжать ее по лесным ухабам. Скорость в это время снизилась до минимума. У сотрудников УУР появилась возможность задержать их.

– Стоять всем! – прокричал Вайдас, выскочив из «фольксвагена» с автоматом наперевес, как чертик из шкапулки.

Остановилась только «ауди». «Девятка» и «фольксваген гольф» продолжили движение по лесу.

– Стоять! – прокричал Вайдас и пальнул в воздух из Калашникова.

Практика показывает, что на выстрел бандиты никогда не останавливаются, а наоборот, лишь прибавляют прыти. Так получилось и в этот раз. «Девятка» прибавила скорость, и Вайдас понял, что бандит вот-вот уйдет от преследования. Он очень хорошо знал, что будет, если они потеряют машину. Рачковский снимет головы всем.

– Стреляй! Стреляй, Вайдас, по машине! – закричал Леха.

Выскочив из машины и передернув затвор своего табельного Макарова, он сделал два выстрела по колесам.

Вслед за «ауди» остановился и «фольксваген». Однако сидящий за рулем девятки Дим Димыч и не думал останавливаться. Именно по этой причине все внимание оперов было сосредоточено на пытающейся ускользнуть «девятке», и лишь на какое-то время они выпустили из поля зрения остановившиеся машины.

В пылу развивающихся событий оперативные работники допустили роковую ошибку, но пока об этом они еще не знали.

Вайдас прицелился и дал длинную очередь по «девятке». Заднее стекло ее разлетелось вдребезги. Было видно, как пули кромсают крышку багажника и от него отлетает краска и шпаклевка.

Наконец машина остановилась. Из нее выскочил Дим Димыч и, волоча ногу, побежал в лес. Вот тут-то и произошло то, чего никто не ожидал. Длинная автоматная очередь из «фольксвагена» отрезвила всех.

– За деревья! Прячьтесь за деревья! – прокричал Мякинов, заряжая табельное оружие.

Леха бежал за Дим Димычем и, почувствовав, что падает, подумал: «Вроде не спотыкался! Ноги какие-то ватные стали. С чего бы это?»

Дим Димыч, пробежав еще метров десять, упал. Заложив руки за голову, он неподвижно лежал и тихонько причитал:

– Суки! Суки! Ногу мне прострелили! Суки! Ненавижу!

Вайдас развернулся и двумя короткими автоматными очередями успокоил стрелка. Боец опустил автомат и, откашлявшись кровью, наконец затих. Он так и сидел в водительском кресле без движения. Скорая помощь ему уже не требовалась. Это было видно сразу.

– Сдаюсь! Не стреляйте! – крикнул второй человек в машине и положил руки на стекло. К нему подбежал Вайдас с Аудрюсом, который и надел на него наручники. Аудрюс выволок его из машины, положил лицом вниз, раздвинул ноги и обыскал. Остальных бандитов из «ауди» укладывали на землю Фещенко с Валентином.

– Леха! Леха! – позвал Ян.

Леха хотел что-то ему ответить, но силы оставили его. Он так и лежал на земле с пистолетом в руке. Он все видел, все слышал, все понимал, но вот двигаться не мог.

– Леха! Что с тобой, комиссар? – подбежав, нагнулся над ним Ян и осмотрел тело. – Ах, вон куда тебя... Эдита! Эдита! Комиссар ранен! Несите быстро бинты из аптечки! Быстро все сюда! Вайдас! Останься сторожить бандитов, остальные ко мне! Аудрюс, надень наручники Дим Димычу и посмотри, что с ним.

Леха видел, что Ян что-то кричит, но его слов уже не слышал. Все вокруг стало каким-то неестественным. Люди начали двигаться, как в замедленном фильме. Да и лес поменял цвет. Для Лехи он не выглядел зеле-

ным. Он видел его теперь в черно-белом цвете. Еще видел руки Мякинова, который все прикладывал и прикладывал бинты к его груди. Выжимал их и снова прикладывал.

– Эдита! Только не падай в обморок! – прикрикнул на нее Ян, держа окровавленные руки, как хирург, вверх. – В машину его! Быстро! К Валентину!

Леху быстро загрузили на заднее сиденье «фольксвагена венто», и Валентин с Аудрюсом понеслись в сторону Шальчининка к ближайшей станции скорой помощи. Аудрюс уже позвонил в скорую, и те обещали ждать на въезде в город.

– Огнестрел, да! В грудь! – кричал он в трубку. – побыстрее! Очень сильное кровотечение! Мы будем через пятьдесят минут! Что? Нет, не реагирует! Ни на что не реагирует! Пульс есть, есть пульс!

21

Мякинов еще долго стоял с согнутыми в локтях, поднятыми вверх окровавленными руками. Звонил телефон, но он не поднимал трубку. Он просто стоял и тупо смотрел вслед уезжающему «фольксвагену венто». Смотрел, и безмолвные слезы катились из глаз. Сейчас он не хотел ни с кем разговаривать.

Фещенко подошел к Мякинову и вытянул из его внутреннего кармана сотовый телефон. Посмотрев на экран, он произнес:

– Командир, это Рачковский! Надо ответить.

Мякинов в знак согласия покачал головой. Фещенко нажал кнопку вызова и приставил телефонную трубку к уху Яна.

– Да, – коротко отозвался Ян.

– Мякинов! Это Рачковский. Информация для вас. Сотрудники СОД сообщили, что у бандитов имеется автомат Калашникова. Осторожнее там!

– Знаем. Теперь мы знаем... – еле сдерживая эмоции, ответил Ян и отошел в сторону, оставив Фещенко с телефоном в руке. Он сел на пень и, закрыв лицо руками, разрыдался, как ребенок. Эдита тоже тихонько плакала в машине Фещенко. Остальные возились с бандитами и ждали сотрудников Шальчининкайской прокуратуры, а также скорую, вызванную для Дим Димыча.

22

Сегодня Ирка встала пораньше и принялась ходить по квартире. Из комнаты в кухню и обратно. Она нервничала. Ведь сегодня была последняя суббота, когда Лешка должен был позвонить. Однако ничего не происходило. Телефон молчал. Вот уже и во-

семь, и девять, и десять часов утра... Это было ненормально.

«Ну почему же он не звонит?» – все время думала Ирка. Для себя она уже все решила и сегодня она, наконец, встретится с ним. Но он не звонит...

Звонок в дверь разорвал тишину. Она подбежала к двери и, даже не посмотрев в глазок, отворила.

За дверями, как и следовало ожидать, стоял всклокоченный Валентин. Цветов у него не было. Зато в руках он держал сложенный вчетверо белый лист формата А4. Даже не поздоровавшись, он молча подал его Ирке и, улыбнувшись, хотел уйти, но та удержала его.

– погоди, Валентин! Что это?

– А это вам, – коротко ответил Валентин.

Ирка развернула лист, на котором простым карандашом была нарисована роза, а под ней лишь несколько слов: «Прости. Сегодня я не могу».

Ирка буквально втокнула Валентина в квартиру.

– Что случилось, Валентин? Почему он не может?

– Он не может, – начал Валентин. – Ну, болеет он. В госпитале он. Вот...

– Что?! Он болеет? В госпитале? Что за глупости? А ну-ка выкладывай все, Валентин! – прикрикнула на него Ирка.

Валентин понял, что так просто ему от нее не вырваться.

Медленно он начал рассказывать Ирке все по порядку.

– Так чего же мы ждем, Валентин? – засуетилась Ирка. – Сейчас, сейчас, я только пальто надену! Поехали быстрее!

23

У Лехиной палаты в госпитале собрался весь отдел. Внутри их не пускали, а выгнать такую ораву боялись. Все они стояли у стеклянных дверей, глазели на него и махали руками.

– Ай, черти вы мои, – прошептал Леха и, мотнув головой в их сторону, попросил доктора впустить.

– Только одного! – разрешил доктор.

Выйдя из палаты он объявил:

– Пусть зайдет кто-то один. И очень коротко! Не утомляйте его.

Конечно, зашел Мякинов. Нагнувшись, он обнял Леху.

– Как ты?

– Всех задержали? – перебил его Леха.

– Всех, не беспокойся.

– Ну, тогда медали и денежные премии нам гарантированы.

– Ага. Держи карман шире. Ремонт «ланчи» за мой счет. Медалей и денежных премий тоже не будет. Но ты не отчаивайся, Леха. Зато Рачковский

уже подписал приказ об объявлении нам с тобой по строгому выговору.

– За что?

– Ну как за что? За непрофессиональные действия во время задержания бандитов.

– Да-а-а... дела-а. Если бы ты получил выговор, то ясно, за что. За то, что не защитил своего любимого начальника. А мне-то за что?

– Ну раз ты опять шутишь, значит, дело идет на поправку! – обрадовался Мякинов.

– А ты что, думал, я сдохну? Хрен тебе, Мякинов, я у тебя еще столько крови выпью...

– Ты неисправимый... – буркнул Ян, выходя из палаты. – Выздоровливай!

Ирка подбежала к палате, и все раступились, пропуская ее. Вот кому действительно не надо было разрешения доктора.

– Лешка мой! – только и смогла сквозь слезы проговорить Ирка и, обняв, положила голову ему на плечо.

– Как ты здесь? – пролепетал Леха.

– Сегодня последняя суббота, а ты не звонишь! Вот я и пришла.

– Ну раз так, то скажи мне тогда... Ты выйдешь за меня?

– А ты что, сомневался?

– Я? Нет. Ведь мама мне говорила, что я самый красивый на свете. А кто такому красавцу может отказать? – прошептал ей на ухо Лешка.

– Ну как я с тобой таким неугомонным жить буду? – прослезилась Ирка.

– Весело. Очень весело... – прошептал Лешка, закрыв глаза.

– Все! Прошу сейчас же покинуть палату. Пациент нуждается в отдыхе. Приходите завтра! – громко сказал доктор и, открыв двери, указал Ирке на выход.

24

Вся толпа, около двадцати человек, вышла из больницы. Ян шел рядом с Иркой и вдруг громко, во всеулышья, предложил:

– А давайте в бар зайдём! Накатим по соточке за здоровье комиссара!

Все дружно с ним согласились.

– Пойдем с нами, Ира? – предложил он.

– Пойдем, конечно. Чего мне дома, одной в четырех стенах, – согласилась та.

Сегодня, пусть еще без Лешки, она хорошо провела вечер в компании сотрудников Управления уголовного розыска. Ведь ей стоило поближе узнать соратников будущего супруга.

Она и не подозревала, сколько радостей и горестей придется ей пережить, живя с Лешкой. Однако она никогда не пожалеет о принятом решении. Но это уже совсем другая история.

СТОРОЖЕНКО АНАТОЛИЙ

*И вечный бой. Покоя нету близко
Выходит спор за рамки тет а тет.*

*Извечный спор меж следствием и сыском.
За первенство, то бишь приоритет.*

*Кто лучше всех, кто в жизни больше значит,
Неразрешённый до сих пор вопрос.
И у кого из них сложнее задачи,
Кто больше пользы Родине принёс.*

**Открытое письмо
следственного отдела отделу уголовного
розыска.**

Мы не писали писем, телеграмм,
Вы допекли, вам не остановиться.
До чёртиков вы надоели нам,
И вынуждаете открыто объясниться.

Ваш главный тезис в споре с нами,
Мол, следствие ни мелет, ни куёт.
Нам право рассчитывать с вами
Такое утверждение даёт.

Мы сле...дователи, идите вы все вон,
Чего вы к нам, как банный лист, пристали.
Когда-нибудь под колокольный звон
Нас водрузят на пьедестале.

А что от вас останется потомкам?
Как нарушали нормы УПКа?
Как на допросах всяческим подонкам
Тайком давали под бока?

Известны всем лихие ваши нравы,
Способности дела фабриковать.
И нет у вас ни слов, ни права
Нас без причин критиковать.

У вас ведь тоже катаклизмы были,
(Другой критиковать бы не рискнул).
Как лучший ваш сотрудник (не забыли?),
В засаде сидя, с вечера заснул.

Или другой из лучших ваших ментов,
Считался семи пядей он во лбу,
Борясь за повышение процентов,
Наручниками пристегнул себя к столбу.

Вглядитесь в свои пасмурные лица,
И вспомните (не нужно возражать!),
Как восемь оперов из группы Иваницы
Троим бандитам дали убежать.

Узнали мы и стало нам обидно,
На нас повеяло печалью и тоской.
А вам, как кажется, не стыдно
Ходить на задержание с доской.

Вы были, как подмоченные куры
И не смогли расправить гордо грудь.
Так как панически боитесь физкультуры
И самбо изучали как-нибудь.

Вы с виду все в работе - пот с лица
Ручьями льётся на мундир казённый.
Но в сущности не перестраивается
ОУР в застое долгом закалённый.

Вы топчетесь бесцельно в борозде,
И засекретились в своём безделье,
Прикрылись пресловутым ОПеДе,
В котором пусто и темно, как в подземелье.

Привыкли вы честной народ стращать,
Попавший к вам краснеет и бледнеет.
Ваш принцип лишь хватать и не пущать,
Держать его пока не посинеет.

Сидите вы и чешете затылки-
Как в возбужденье дела отказать.
Нет мыслей после выпитой бутылки,
И кроме мата нечего сказать.

Отказники! Не свято вам ничто,
И потерпевшему сплошные униженья,
А формула - «где, почему и кто»
Забыта, как таблица умноженья.

В юриспруденции вы все невежды,
Хотя б УК читали пользы для,
В раскрытии питаете надежды
Лишь на служебно-розыскного кобеля.

Уполномоченный как бы порядок бдит,
А нечисть обижает населенье,
Когда б на вас напал какой бандит,
Мы посмотрели бы на ваше настроенье.

Вы все упол...номоченные малость
И ваша суть известна без прикрас.
Не вызываете вы гнев, а жалрсть,
Нам жаль по-человечески всех вас.

Вы с кем общаетесь? Позор и срамота!
Домушники, карманники, агенты
И всякая другая сволота,
Подогнанная ловко под проценты.

Весь след. отдел тоскует и рыдает,
Услышав ваш тюремный диалект,
От этого, поверьте нам, страдает
Ваш без того ущербный интеллект.

Зачем, скажите, спорите вы с нами,
Растрчивая темперамент свой.
Ведь в розыске работают ногами
В отличие от тех, кто головой.

И независимо от вашего коварства,
Мы будем стойки и тверды во всём.
И помощь нашему родному государству
Мы в будущем большую принесём.

Два письма

*Из юмористического сборника «Перекур»,
составленного подполковником милиции УВД г. Сочи*

**Ответ отдела уголовного розыска на пись-
мо следственного отдела**

Мы прочитали ваше обращение,
Поразмыслили и решили:
Вы Не заслужили нашего прощенья,
Хоть где-то, как-то, в чём-то и правы.

Но мы прощаем и не хлопнем дверью
Хотя терпению, поверьте, есть предел.
Вы обидели там от скрипа перьев
И груды нераскрытых дел.

Не застрахованы от всяких перегибов,
В них трусость вы скрываете свою.
Как ваш начальник сам майор Тайгибов
Рассказывал недавно в интервью.

Испуганные оголтелой прессой,
Коррупцию скрывающей от масс
Вы ходите по самой грани стресса,
Критиковать способны только нас.

Себя не защитите от позора,
Вы не такие смелые, как мы.
Бойтесь даже тени прокурора,
Да и суда бойтесь, как чумы.

Вы всех ввести готовы в заблужденье,
И перестройку утопить в нытье,
Начало следствия для вас не с возбужденье,
А с прекращенья дела по статье (ст.5 УПК).

Живёте вы конкретным преступленьем,
Ваш кругозор от стула до стола.
А что касается оперативного мышленья,
То вам его природа не дала.

Не будем вам устраивать экзамен,
И пить не будем с вами на троих.
И как-нибудь уж разбирайтесь сами
В неразрешённых сложностях своих.

Мы, как сестра таланта, будем кратки:
Храните свою следственную честь.
На похвалу не будьте падки,
А устраняйте лучше недостатки
Те, что в отделе вашем есть.

Вам не даёт покоя слава Гдлына
И видятся вам почести во сне...
Поймайте вы хотя бы хулигана,
Где вам бороться с мафией в стране?!

На спор с любимым мы бросили б перчатку,
Уверены, расправимся с ворьём,
Когда бы дали нам хотя б рогатку
Мы б повязали жулика втроём.

Но с появлением ростков капитализма
Бывает трудно определить
В смутную эпоху плю...рализма
Куда бежать, кого и как ловить.

Вы носитесь с мечтой о пьедестале,
Мечтайте, вас за это не побьют,
Мы возражать бы в принципе не стали,
Согласны, пусть вас отолюют.

Вас водрузят, отлив увековечив,
Значительных, довольных ремеслом,
Грудь колесом, косая сажень- плечи,
И, может, по традиции с веслом.

Вас отолют навечно из металла,
Хоть вы и разжигаете вражду...
И розыскной кобель у пьедестала
По-утру справит малую нужду.

Всё образуется, отсеется с годами,
Как сходят с горизонта облака.
А главное - взаимодействие меж нами
При полном уважении УПКа.

Памяти Михаила Юрьевича Лермонтова

КАРПЕНКО АЛЕКСАНДР

Многие десятилетия не умолкают споры о причинах и обстоятельствах гибели поэта М. Ю. Лермонтова. Учеными, почитателями таланта великого поэта, по этой теме написано множество работ, статей и проведено исследований. А тайна гибели поэта так и остается неразгаданной.

Правда, авторы исследований идут разными путями. Одни добросовестно переписывают «своими словами» уже ранее изданное. Другие, очевидно, высасывают факты из пальца и делают на этом основании такие выводы, что задаешься вопросом – какими источниками авторы пользовались? И не так много проводится серьезных, смелых исследований, где авторы действительно пытаются разобраться, что же произошло в Пятигорске в том трагическом июле 1841 года.

До сих пор гибель М. Ю. Лермонтова вызывает вопросы, на которые не может дать ответ официальная дуэльная версия. Если внимательно изучить судное (следственное) дело – «О дуэли майора Мартынова и поручика Лермонтова», выявляется много неточностей, ошибок, совершенных следователями и судьями, не захотевшими объективно разобраться в обстоятельствах происшедшей трагедии. Например: почему были подменены пистолеты, из которых якобы поединщики стрелялись; не разобрались следователи и в путаных показаниях секундантов, которые поясняли, что ехали к месту поединка вместе с Лермонтовым из Пятигорска. На самом деле свою последнюю ночь жизни поэт провел в Железноводске (примерно час езды на лошади до Пятигорска). Какие меры к примирению предпринимали секунданты, и как на них реагировал Лермонтов? Наконец странный характер смертельного ранения поэта? Вопросы, вопросы, вопросы...

Но давайте все по порядку. В 50-х годах прошлого столетия учеными криминалистами, судебными медиками и музейными работниками проводилась попытка разобраться в убийстве Лермонтова криминалистическими методами. Правда,

целью их исследований было в очередной раз доказать официальную дуэльную версию. Хотя причины, побудившие экспертов это сделать, были совсем другие.

В 20 веке появилась версия убийства поэта не на дуэли, а с Перкальской скалы, осужденным за преступление казаком. Первым эту версию выдвинул музейный работник из Пятигорска С. Д. Коротков. В газете «Комсомольская правда» была опубликована его статья с изложением обстоятельств убийства поэта.

В 1954 году в журнале «Новый мир» была опубликована повесть Константина Паустовского «Разливы рек», в которой была фраза: «И последнее, что он заметил на земле, – одновременно с выстрелом Мартынова ему почудился второй выстрел, из кустов под обрывом, над которым он стоял».

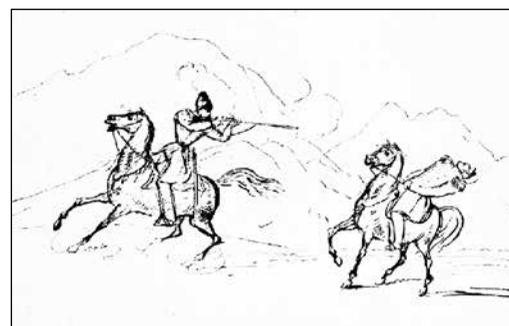
В 1957 году тему развил В. Швембергер. В «Трагедии у Перкальской скалы (По следам народной молвы)», опубликованной в журнале «Литературный Киргизстан», он писал, как один священник в 1896 году причащал умирающего казака и тот ему поведал, как в молодости, чтобы избежать суда, по приказу начальства, убил из засады армейского офицера во время дуэли. Через много лет он узнал, что убил Лермонтова.

Представительная комиссия опровергла версию убийства Лермонтова наемным убийцей в спину с отходящей от горы Машук Перкальской скалы.

Предлагаем нашим читателям воспоминания Арсения Березина «Дуэль Лермонтова. Следственный эксперимент Андронникова 115 лет спустя»:

«В 1941 году столетие со дня смерти Лермонтова не отмечалось. Но к некрутой дате 115-летия лермонтоведение оживилось. По-прежнему тайна дуэли и смерти будоражила умы... В начале 1955 года появились публикации белорусских исследователей, в которых прямая ответственность за смерть поэта возлагалась на царя Николая I. Все это уже было, но в данной публикации царя обвиняли как

Дуэли не было, или Как помогли компьютерные технологии

Рисунки М. Лермонтова

непосредственного организатора заказного убийства. Исполнителем же якобы оказался какой-то анонимный казак, спрятавшийся в кустах и стрелявший в Лермонтова из ружья. Основанием этой версии послужило то обстоятельство, что обследованная после дуэли рана Лермонтова оказалась просто ужасной. Пуля пробилась его снизу-вверх и буквально разорвала тело несчастного поэта.

Когда Ираклий Андронников прочел эту статью и ряд других с таким же контекстом, он пришел в бешенство. Для него, литературоведа, историка, аристократа, жившего николаевской эпохой, дышавшего ее воздухом, было совершенно очевидно, что русский император; первый дворянин великой державы, был особенно щепетилен в вопросах дворянской чести. <...> И теперь одним неосторожным поступком превратиться из безупречного монарха в заурядного уголовника? Нет, это было не-

возможно.

Особенно бесило Андроникова то, что эти провинциальные литературоведы перенесли в высший свет прошлого века ухватки и приемы века нынешнего. И Андроников решил встать на защиту поруганной чести Императора. Он задумал воспроизвести сцену убийства Лермонтова с максимальной достоверностью или, проще говоря, провести следственный эксперимент 115 лет спустя.

Прежде всего оружие. Кто сказал, что стрелялись из дуэльных pistols? Откуда в полувоенном Пятигорске дуэльные pistols Лепажя? И особенно в то время, когда дуэли были категорически запрещены? Детальное ознакомление с протоколами дуэли показало, что оружием явились штатные седельные кавалерийские pistols. И тут Андроников обратился к хранителю отдела оружия ленинградского Эрмитажа Леониду Ильичу Тарасюку.

В распоряжении Тарасюка находился весь огромный арсенал Эрмитажа, размещающийся в полукруглой башне Зимнего дворца рядом с Зимней канавкой. Уже не один год он занимался разборкой и атрибуцией громадной груды оружия, накопившейся за два с половиной столетия, начиная от времен Ивана Грозного и до последнего царя.

К просьбе Андроникова найти аутентичные pistols и использовать их в следственном эксперименте Тарасюк отнесся с энтузиазмом. Через некоторое время несколько pistols были найдены. По сравнению с этими «гаубицами» лепажевские дуэльные выглядели как детские игрушки. Тарасюк дал мне их поддержать и сказал: «Они должны стрелять на дуэли».

...Тарасюк приступил к восстановлению механизмов. Я занялся порохом и пулями. Составные части пороха XIX века – селитра, древесный уголь и сера – были выписаны со склада Физико-технического института для исследований в области термоядерных реакций. Свинец для пуль просто валялся повсюду в изобилии и научного обоснования для его использования не требовал. <...> Работа эта проходила в эрмитажном арсенале по субботам и воскресеньям...

...Пора было переходить к полевым испытаниям. <...> В ближайшее воскресенье Тарасюк приехал ко мне в Солнечное, где я снимал на лето сарай, и мы отправились в дюны. По дороге Тарасюк прихватил на стройке обрезки трех досок. В дюнах мы нашли симпатичный окопчик. Кругом росли сосны, тишина, покой – идеальное место для полевых испытаний. Тарасюк развязал свой фронтальной сидор и достал pistol, боеприпасы, пиво, бутерброды. Еще я заметил у него индивидуальный перевязочный пакет и бинты разной ширины. «Однако решил подстраховаться!»; подумал я и слегка заволновался.

Мы укрепили веревками три доски, одну

поверх другой, на ближайшей сосне, нацепили мишень – «Лермонтов» готов. Тарасюк снарядил pistol и встал за другую сосну на расстоянии десяти шагов. Он поприцеливался в «Лермонтова» и сказал:

– Так будет хорошо. Ложись в окоп, спрячь голову и не высывайся!

– Ты же не боишься коррозии! – заметил я.

– Зато ты боишься! Вот и лежи в окопе. Можешь скомандовать: готовы? Сходи-тесть! И сразу падай.

Я расположился в окопчике и прокричал команду. Он спокойно поднял pistol, тяжелый ствол не дрожал в его руке, палец медленно потянул спусковой крючок. Раздался страшный грохот, из дула вырвался столб огня вместе с клубами черного дыма. Леонид стоял на том же месте с закопченной физиономией и морщился от боли, внятно ругаясь. При выстреле сильная отдача ударила в его раненую руку. «Как это они тогда стреляли из этих самопалов?» – подумал я. Мы подошли к «Лермонтову». Первая доска была просто разможжена в щепки, вторая и третья пробиты, а пуля застряла в сосне. Там мы ее и оставили и, захватив первую доску для Андроникова, отправились домой...

Полевые испытания были проведены, настала очередь следственного эксперимента. Андроников договорился с генералом патологоанатомом профессором П. о том, что эксперимент будет проведен в морге Военно-медицинской академии, как только там окажется бесхозный труп. Это сейчас бесхозных трупов сколько угодно, а тогда это был большой дефицит. И мы стали ждать...

Через несколько недель Андроникову позвонили в Москву из Академии и попросили срочно приехать. Он приехал. Экспертиза была назначена на поздний вечер.

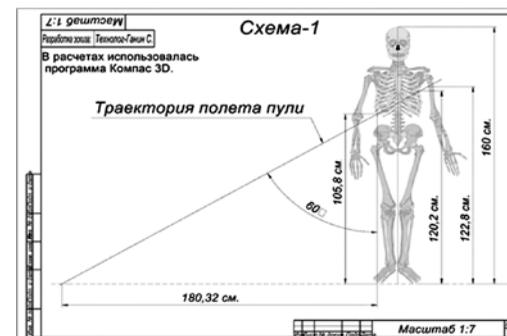
В морге был установлен бруствер из мешков с песком, за ним находился стол экспертной комиссии. В нее входили генерал П., Тарасюк, Андроников и судебный эксперт по баллистике Л. «Поручик Лермонтов» был установлен в пол-оборота к «Мартынову». На нем были помечены входное и выходное отверстия пули согласно медицинскому протоколу о дуэли. Судебный эксперт провел директрису, и на расстоянии десяти шагов «от поручика» на стойке был укреплен pistol, через дуло которого и проходила директриса. Положение pistol оказалось удивительно низким, где-то на уровне бедра стрелявшего человека, а дуло оказалось задраным вверх. Затем комиссия села за стол, а Леонид в бронезилете и каске встал у стойки. Он потянул за бечевку, привязанную к курку. Раздался выстрел. «Поручик Лермонтов» был отброшен назад; в боку его зияла кошмарная рана, из которой сочился формалин.

Всего этого я не видел, поскольку меня к проведению экспертизы не допустили, и

я ждал поблизости, на Пироговской набережной. Тарасюк вышел часа в три ночи, неся в руках хорошо початую бутылку арманьяка, и, подойдя ко мне, торжественно возвестил: «Его Величество Император Николай Павлович в смерти поручика Лермонтова не повинен. Лермонтов скончался от pistolетного выстрела Мартынова, а не от пули подосланного убийцы. Помянем его, а заодно и государя». Мы помянули...»

На этом эксперимент закончился. А зря! Если бы не остановились на рюмочке арманьяка, то могли увидеть некоторые странности в этом деле. Но винить экспертов незачем. Возможно, они их и видели, но это не было целью их исследований.

Мы же исследования продолжим с помощью современной компьютерной программы Компас 3D. Итак, начинаем. Помощь нам в этом окажут технолог Ганин С. А., и художник Тюрина С. Н. Будем исходить из слов нашего современника, кандидата медицинских наук Е. А. Федорова, который указал на рост Лермонтова примерно в 160 см (схема № 1).

Далее, исходя из правил «золотого сечения человека», на скелете человека отметим высоту входного и выходного отверстий от пули. Тем более мы знаем, как они образовались. На основании письменного заключения врача Баркляя де Толли, осуществлявшего осмотр тела Лермонтова: «...При осмотре оказалось, что pistolетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастении ребра с хрящем, пробил правое и левое легкое, поднимаясь вверх, между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча...».

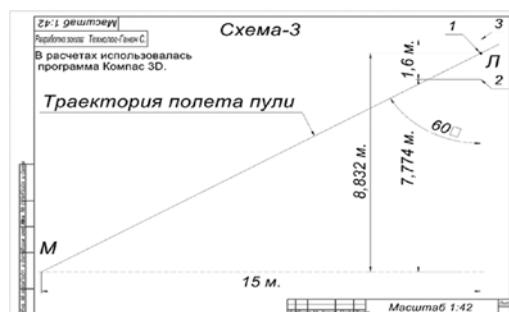
Под последним ребром здесь следует считать десятое ребро, т.к. оно имеет срастание с хрящем. Два последних – одиннадцатое и двенадцатое, такого срастания не имеют и находятся ближе к спине. Даже с учетом погрешностей, которые закладываем в программу компьютера, получается: высота первой (входной) раны равна 105,8 см относительно стоп поэта, второго (выходного) отверстия 120,2 см и раны мягкой части плеча 122,8 см. Высота раны мягкой части плеча может быть определена с погрешностью в связи с тем, что Лермонтов мог приподнять руку или отвести её машинально в сторону. Эта погрешность не большая и она не столь важна в нашем исследова-

нии. Важна сама третья рана, потому что она и позволяет точно и с уверенностью соединить траекторию полета пули в одну прямую линию. И ещё, что важно, третья рана мягкой части плеча поэта показывает нам, что пуля в теле поэта «не гуляла», как считают некоторые исследователи, не уходила в сторону от ребер и внутренних органов, а «прошла» поэта насквозь. На языке криминалистов это означает, что деривации пули в теле поэта не было.

Что же нам ещё дают компьютерные исследования? Траектория полёта пули относительно вертикальной оси тела поэта составляет 60 градусов. И если траекторию пули продлить вниз до земли, то упрется она в землю на расстоянии 1,803 м (180,32 см) от раны поэта. Это максимальное расстояние, которое возможно. Тогда Мартынову, чтобы выстрелить пришлось бы лечь на землю или стрелять в упор. Понятно, что такого просто не могло быть на дуэли.

Нет точного описания, как проходила дуэль. Даже в следственном (судном) деле много не точностей. Не знаем мы расстояния, при котором поединщики стрелялись. В следственном деле имеется только максимальное расстояние между ними в 35 шагов до их схождения.

Принято считать, что Лермонтов стоял на некотором возвышении, и стрелялись они с расстояния примерно в 20 шагов. Давайте остановимся на этом расстоянии (отсутствие точного описания дуэли, льёт воду на нашу мельницу, в пользу нашей версии т. к. невозможно описать точно то, чего не было). Если мы с помощью компьютерной технологии переместим Лермонтова под углом в 60 градусов вверх, чтобы расстояние между стрелками составило 15 метров (приблизительно 20 шагов), то получим, что Лермонтов должен был стоять по отношению к Мартынову на высоте 7,774 м (схема № 3).

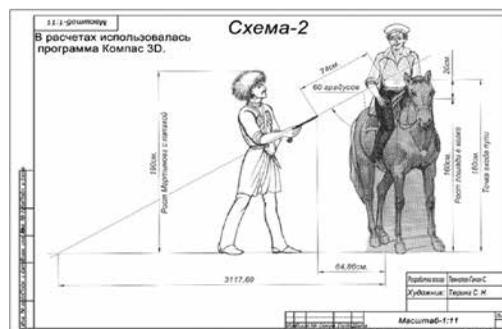
Высота раны поэта от точки земли будет равна 8,832 м. На схеме это точка 1. Точки 2 и 3 обозначают рост поэта. В данном случае уровень земли считается от ступней ног Мартынова. При других расстояниях между ними результат был примерно такой же. Лермонтов и Мартынов на схеме у нас отмечены соответственно буквами Л и М.

Не получается дуэль, никак не получается. С такой высоты Лермонтов и упасть

мог, и пуля могла случайно выкатиться. А как бы они сходились во время дуэли? Одному тогда пришлось бы стать скалолазом, а другому – бегуном с препятствиями? Да и не согласился бы поэт стреляться на таких не равных условиях. Думаю, что и секунданы не позволили противникам стреляться на таких условиях.

Теперь мы считаем, что отпадет у некоторых авторов желание ставить Лермонтова в замысловатые позы с отклонением назад, в сторону и т. д. На таком уклоне и высоте просто невозможно нормально устоять, и тем более участвовать в дуэли, в качестве стрелка. Хватит ставить Лермонтова то в позу опытного дуэлянта, закрывающим рукой и оружием голову и тело, то наоборот, стоящим с высоко поднятым пистолетом, подставляющим себя под пулю Мартынова. Не было этого.

Теперь рассмотрим нашу версию. Она отображена на схеме №2, где Лермонтов встречается с Мартыновым сидя на лошади.

За основу зададим компьютеру следующие данные: рост скаковой лошади в холке составляет 160 см (так измеряются все лошади). Спина лошади находится немного ниже холки, но, если положить на неё седло и всё, что к нему положено, расстояние выравнивается до холки. Получается, что наездник сидит на лошади на высоте холки. Ещё раз уточняем, — это расстояние от переднего копыта до холки. Путем экспериментальных замеров у людей среднего телосложения мы устанавливаем, что расстояние между седлом (ягодицей наездника) и 10 ребром составляет 20–22 см. Округлим до 20 см. Получается, что входное отверстие от пули находится на расстоянии 180 см. от уровня земли. Компьютерная программа выдаёт нам тот же угол вхождения пули в тело – 60 градусов. Далее всё несколько приблизительно. В траекторию полета пули мы вставили пистолет и дорисовали Мартынова, взяв за основу примерный его рост с папахой в 190 см. Хотя это уже не столь важно. На схеме №2 видно, что у нас получилось. Ситуация вполне логичная. И не надо Лермонтова ставить в замысловатые позы.

Мартынов, дождавшись поэта, подошел к нему, и у них завязался разговор, возможно, перешедший в ссору. Мартынов без свидетелей выстрелил в безоруж-

ного Лермонтова, не дав сойти с лошади. Возможно, лишь протягивая заряженный пистолет, предлагая стреляться. Может, хотел убить не так, как получилось.

Для опровержения этой же абсурдной версии, убийства из-за скалы, уже в 60-х годах, была создана Институтом русской литературы ещё одна экспертная комиссия, для проверки «идеи» Короткова и Швембергера. В нее вошли специалисты из Ленинграда: судебные медики, хирурги, научные сотрудники Эрмитажа. Об этой экспертизе писал в своей книге «Немые свидетели» известный криминалист М. Любарский, начальник отдела криминалистических экспертиз Ленинградской исследовательской лаборатории. В этой же книге он привел часть экспертного заключения...

Приведем одну выдержку из заключения: «Мы осмотрели в Пятигорске место дуэли Лермонтова с Мартыновым и считаем, что акт от 16 июля 1841 года об осмотре следственной комиссией места поединка указывает на площадку с небольшим уклоном (в пределах 5 – 8 градусов), от юга к северу, ограниченную на юге Машуком, а на северо-западе Перкальской скалой. Через площадку проходит дорога от Машука в бывшую Николаевскую колонию (ныне Иноземцево). Дуэль проходила на этой дороге: Лермонтов стоял несколько выше Мартынова, спиной к Машуку, лицом к северу. Расстояние между противниками в момент выстрела Мартынова определяется от 10 до 25 шагов (от 8 до 20 метров).

Что нам здесь важно. Эксперты нашли площадку с уклоном в 5–8 градусов. Никаких «гор» там не было. Это ещё одно подтверждение нашей версии.

В заключение отметим. Чтобы ни писали об убийстве Лермонтова противники дуэли, их доводы отвергаются, а действия убийцы и других участников трагедии объясняются житейскими проблемами (обычной ссорой). Если что-то объяснить не удастся, ссылаются на давность времени, на загадочные или не выясненные обстоятельства гибели поэта. Ох, уж эти загадочные обстоятельства!

Если же отбросить версию убийства поэта на дуэли, то всё становится на свои места, и в действиях участников «дуэли» ничего загадочного нет. Они поступали так, как обычно поступают все преступники, пытающиеся уйти от ответственности, скрыть, или смягчить свое участие в преступлении.

Что произошло потом у подножия Машука, кто и когда туда приехал, ход самой «дуэли» – всё это мы знаем из путаных показаний людей, заведомо симпатизировавших Мартынову. Но события могли происходить и иначе.

Например: Лермонтов ехал из Железноводска, где провел свою последнюю в жизни ночь, в Пятигорск. Мартынов

знал об этом и поджидал поэта на дороге в районе г. Машук. Лермонтов был приглашен на бал к князю Голицину в Пятигорск. Всем было известно время начала бала.

Уже на месте встречи Мартынов (после резкого разговора!?) с близкого расстояния выстрелил в сидящего на лошади поэта (потому такой угол проникновения пули в тело). После чего бросился к Глебову, с которым проживал на одной квартире: выручай, была дуэль с Лермонтовым без секундантов, я его убил! Лермонтову уже не поможешь...

На помощь призывают юриста, князя Васильчикова, который затаил обиду на поэта за его эпиграммы. Всё это была одна компания в тайне, ненавидящая поэта. За несколько дней до смерти Лермонтов поэтически метко напишет:

*Мои друзья вчерашние — враги
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех господь благий
Их презираю я...*

Кстати, Васильчиков был сыном Канцлера Российской империи Иллариона Васильчикова. Батюшка отличился, когда настоял на применение картечи при разгоне восстания Декабристов. Он был вхож в узкий круг доверенных лиц Николая I.

Далее придумывается «сценарий» (но спешно, с массой нестыковок). Тогда понятно, почему лежало под дождём три часа тело Лермонтова (пока за ним не приехали).

Почему возникла необходимость в появлении пистолетов Кухенрейтера (раз была дуэль – нужны более мощные, пробивные). Остаётся гадать, отчего молчал Столыпин. Но, может, оттого и молчал, что чувствовал вину: не предотвратил смерть друга! А раскручивать историю до конца, задевать влиятельных в Пятигорске лиц, уличать людей с репутацией достойных офицеров – нужно ли это было коменданту Ильяшенкову?

Пора набраться смелости и честно признать – убийство поэта совершенно не на дуэли! И убийца!.. Мартынов, не только не понёс заслуженного наказания, но и не был признан виновным в умышленном или совершенном по неосторожности убийстве поэта!

Как написал поэт Александр Володин:

*Правда почему-то потом торжествует.
Почему-то торжествует.
Почему-то потом.
Почему-то торжествует правда
Правда, потом.
Но обязательно торжествует.
Людям она почему-то нужна.
Хотя бы потом.
Почему-то потом.
Но почему-то обязательно.*

ПЕТРОВ МИХАИЛ

Смерть Лермонтова: «Настроение искало объект»

Была такая традиция после смены в пионерском лагере оставлять пожелания на пионерском галстуке. Молодая романтически настроенная вожатая написала мне на красном галстуке короткое стихотворение, автор которого в тот момент был мне неизвестен:

*Дай Бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка,
Для головы и сердца — яд!*

Прошло много лет, и приятель подарил мне полное собрание сочинений Лермонтова в издании Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук. Я раскрыл первый попавшийся мне том на посвящении Николаю Николаевичу Арсеньеву: Дай Бог, чтоб ты не соблазнялся. Такие вот мистические пересечения с учётом того, что называли меня в честь Лермонтова. В молодости мама очень любила его стихи и прозу.

Однако сейчас не об этом, сейчас о тайне смерти Лермонтова. Впрочем, считается, что никакой тайны нет: нелепая ссора, нелепая дуэль, нелепая смерть. Но так ли это?

Убийство Лермонтова

Чтобы избежать обвинений в плагиате, я заранее соглашаюсь с тем, что я не первый, кого посещали сомнения в связи с трагической гибелью поэта. Очевидно первыми, кто усомнился в чистоте поединка, его мотивах и подлинной цели, были непосредственные свидетели, т.е. участники дуэли. Титулярный советник князь Васильчиков утверждал, что пятеро участников дуэли Лермонтова с Мартыновым дали друг другу слово «молчать и не говорить никому ничего другого, кроме того, что показано на формальном следствии». Кажется, что до статистов быстро дошло, в какой блудняк их втянули, оба дуэлянта. Сговор наводит на мысль о том, что реальная дуэль отличалась от дуэли, представленной на следствии. Запомним эту деталь.

Первое, что приходит на ум в связи с гибелью Лермонтова – это дворянская честь и православная традиция. Представление

о дворянской чести давно утеряно. Лишение всех прав состояния и даже гражданская казнь не могли лишить дворянина чести, но он мог сам замарать её или вовсе лишиться, совершив бесчестный поступок. Лермонтовское «невольник чести», характеризующее поведение Пушкина в отношении Дантеса, очень точно передаёт мотивы той дуэли.

Некоторое представление о дворянской чести даёт офицерская присяга. Для советской интеллигенции, не сумевшей откосить от армии, присяга, принесённая в стройбате с учебным автоматом на груди, вообще не была наполнена каким бы то ни было смыслом.

Точно также в новейшее время клятвенная лояльность эстонскому государству ничего не меняет в головах и в поведении неопитов. Однако во времена Пушкина и Лермонтова к дворянской чести и слову дворянина относились со всей мыслимой щепетильностью, причём не только в армии. Поэтому, когда участники дуэли дают друг другу слово (клятву), то нет никаких сомнений, что они сдержат его. По рукам тому дворянская честь.

Дворянин и офицер может покончить жизнь самоубийством в одном только случае, когда замарана его честь, и смыть бесчестие иным способом не представляется возможным. Лишь это обстоятельство покрывает грех самоубийства в глазах православного общества. Случалось так, что выстрел в висок был единственной возможностью сохранить или вернуть себе утраченную честь. В жизни Лермонтова ничего подобного как будто не случилось. Не случилось. Как будто.

Однако первое, что в этой связи приходит на память – это дуэль Лермонтова с Эрнестом де Барантом. Пушкин был убит на дуэли с французским кавалергардом, приёмным сыном нидерландского посланника в Петербурге барона Луи Геккерна поручиком де Геккерном, т.е. Дантесом, из дуэльной пары пистолетов, одолженной секундантом Дантеса д'Аршиаком у младшего сына французского посла в Петербурге Эрнеста де Баранта. В отличие от кремнёвого оружия новейшие пистолеты де Баранта реде давали осечку.

Как и в случае с Мартыновым повод для дуэли с де Барантом весьма невнятный: то ли прекрасная вдовица Щербатова, то ли расхождение во взглядах по вопросу о национальной чести русских. Пусть себе об этом спорят литературоведы и историки – для нас повод значения не имеет. Для нас важно, что положение в обществе де Баранта совпадает с положени-

ем Дантеса, оба французы, оба сыновья дипломатов. Кроме того, Лермонтов и де Барант стреляются из той же дуэльной пары пистолетов, из которой был убит Пушкин. Нужно ли напоминать, что Пушкин и Лермонтов – поэты, и не слишком ли много совпадений?

По выработанным секундантами правилам дуэли, счёт выглядел так: на «раз» приготовиться, на «два» целиться, на «три» стрелять одновременно. Конкретного условия прекращения дуэли не установлено, но по общему правилу время на обмен выстрелами ограничено. По официально принятой литературоведческой версии, по счёту «два» де Барант прицелился, а Лермонтов держал пистолет, не целясь. По счёту «три» де Барант выстрелил, но промахнулся, а Лермонтов выстрелил в сторону. Дуэлянты пожали друг другу руки и разошлись.

Однако по Петербургу поползли слухи, что Лермонтов обесчестил де Баранта, первым выстрелив в воздух, а струсивший де Барант намеренно дал промах. Дело шло к возобновлению дуэли, и де Барант вынужден был объясняться с Лермонтовым, посаженным на Арсенальную гауптвахту. Дело было улажено или как будто улажено.

Проблема состояла в том, что на суде Лермонтов показал, что стрелял не в сторону, а в воздух. Главный начальник III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии граф Александр Христофорович Бенкендорф, чьим девизом было знаменитое «Предан без лести», потребовал от Лермонтова признания в том, что на суде он дал ложные показания. Раз дело было улажено, то что мешало Лермонтову отказаться от данных под присягой показаний? То, чему у нас не принято придавать значения – честь дворянина.

Что такое выстрел в воздух? Во времена Пушкина и Лермонтова пользовались дуэльным кодексом графа де Шатовильера, на основе которого постепенно складывалась русская дуэльная традиция XIX века. Так что вполне оценить выстрел в воздух мы можем по «Ду-эльному кодексу» Дурасова. Кодекс был составлен в начале XX века, но с учётом дуэльных традиций, сложившихся в России в XIX веке. Среди знатоков русской дуэли Василий Алексеевич Дурасов, герцог Дураццо-Анжу, едва ли не самый компетентный.

Итак, что такое выстрел в воздух:

486. Стрелять в воздух имеет право противник, стреляющий вторым.

487. Противник, выстреливший первым в воздух, в случае если его противник не ответит на его выстрел или также выстрелит в воздух, считается уклонившимся от дуэли и подвергается всем законным последствиям такого поступка.

488. Другой противник, стреляющий вторым, имеет полное право ответить на первый выстрел противника, обращённый

в воздух, действительным выстрелом, причём в таком случае дуэль считается истекшей по дуэльным законам и противник, выстреливший первым в воздух, не подвергается законным последствиям.

Теперь становится понятным, что так взволновало де Баранта и заставило Лермонтова искать заступничества перед всемогущим Бенкендорфом у Великого князя Михаила Павловича. По всему выходит, что Лермонтов под присягой не соврал: он действительно стрелял в воздух, причём первым, на что не имел никакого права. Де Барант, чтобы спасти и свою честь, и честь Лермонтова стреляет в его сторону, но промахивается, и, похоже, что намеренно. Формально дуэль считается совершенной по дуэльным правилам.

В случае с майором Николаем Соломоновичем Мартыновым следствие так и не смогло обнаружить реальный повод к дуэли с Лермонтовым. Никто не удосужился доискаться до причин поспешности, с которой организовали поединок. Почему в виду надвигающейся грозы дуэль нельзя было отложить хотя бы до утра 16 июля? Но зато бросающихся в глаза и зафиксированных нарушений дуэльного кодекса в ходе поединка было хоть отбавляй.

Прежде всего, было нарушено главное правило – правило равенства, определяющее, что все условия для противников должны быть равными.

Было шесть с половиной часов по полудни 15 июля 1841 года, когда противники и секунданты съехались на месте, выбранном для дуэли. Прикинем время, необходимое для обустройства барьеров, приготовления пистолетов, которые по правилам заряжаются непосредственно на месте дуэли, разъяснения участникам дуэли правил, выработанных секундантами, и будем вынуждены констатировать, что разойтись на позиции дуэлянты могли не ранее семи часов вечера, т.е. уже в сумерках при низком закатном солнце. Заход солнца в Пятигорске на 15 июля 1841 года определяется в 19 часов 53 минуты.

По другим сведениями только в половине седьмого компания тронулась искать место для поединка на северо-западном склоне горы Машук, и тогда к этому нужно ещё приплюсовать время, необходимое для преодоления, как минимум, четырёх вёрст до места дуэли. В таком случае ду-

элянты оказались бы на своих позициях уже в сгустившихся сумерках.

Все участники дуэли особенно напировали на то, что собиралась гроза, и небо было в тучах. Надвигающаяся гроза – весьма любопытное обстоятельство. Она, как минимум, означает, что все делалось второпях, в том числе выбор места дуэли. С другой стороны, мы ничего не знаем о положении закатного солнца. Все ли небо было затянуто тучами или только часть? Вопрос не праздный, поскольку освещение может существенно влиять на неравенство условий поединка. Потому и стрелялись, как правило, на рассвете, когда уже достаточно светло, но солнечный свет не даёт преимущества никому из противников.

Известно, что после обозначения дуэльной позиции майор Мартынов был поставлен спиной к горе Бештау и лицом в сторону горы Машук по направлению с северо-запада на юго-восток. Позиция Лермонтова – спиной к Машуку и лицом к Бештау, т.е. с юго-востока на северо-запад.

Таким образом, Лермонтов в зависимости от рельефа места мог получить некоторое преимущество: закатное солнце располагалось бы слева от него и справа от Мартынова. Низкое закатное солнце слева не так мешает прицеливанию, как солнце справа. Не это ли одна из причин, почему все участники дуэли так напировали на приближающуюся грозу и тучи, которыми как будто заволочло небо? Если же дуэль происходила уже в сумерках, то преимущество позиции Лермонтова ещё более очевидно – за его спиной темнеющая гора Машук, а силуэт Мартынова достаточно хорошо виден на фоне закатного неба. Лермонтов только расстёгивает сюртук, а Мартынов сбрасывает черкеску и остаётся в исподнем – светлой нижней рубашке, делающей его ещё более уязвимым.

Ординатор-лекарь Пятигорского военного госпиталя титулярный советник Барклай-де-Толли установил, что пуля Мартынова попала в правый бок Лермонтова ниже последнего ребра, поднимаясь вверх, пробивала оба лёгких и вышла между пятым и шестым рёбрами с левой стороны, прорезав мягкие ткани плеча. Направление движения пули свидетельствует о том, что стрелок располагался ниже, чем его мишень. Характер ранения свидетельствует, что в момент ранения правая рука Лермонтова была вытянута вверх, что объясняет, почему пуля прорезала мягкие ткани слегка опустившегося вниз левого плеча.

Таким образом, выявляется ещё одно неравенство – неравенство в позициях: Мартынов располагается значительно ниже Лермонтова. Это обстоятельство официальное следствие упустило или как будто упустило из внимания. Правильно оценить предположительное неравенство

И. Репин. Дуэль. 1898 г.

условий в части освещения и разницы в высоте позиций с точки зрения преимущества кого-либо из дуэлянтов можно только на месте дуэли, что сегодня в полной мере не представляется возможным, поскольку точное место поединка так и не установлено. Или намеренно скрыто?

По условиям поединка каждый мог стрелять, когда ему угодно, т.е. с места или на ходу, или подойдя к барьеру, но только между командами «два» и «три». Если обмен выстрелами в отведённые между командами 10-15 секунд не состоялся, то после команды «три» дуэль останавливается, и противников разводят на исходные позиции.

Кодекс Дурасова гласит, что при дуэли на пистолетах следующие поступки не допускаются дуэльным правом, считаются бесчестными и влекут за собой законные последствия:

490. Выстрел одного из противников, сделанный хотя бы за секунду до команды о начале дуэли или после команды об окончании.

491. Какое-нибудь восклицание одного из противников в течение дуэли, исключая невольное восклицание в момент получения раны и заявления об осечке.

Кроме того, секунданты не имеют права подавать неоговорённые условиями команды. Командует поединком Лейб-гвардии конного полка корнет Глебов. Он подаёт команду «Сходитесь! Раз!», затем «Два!» Лермонтов остаётся на месте, рука прижата к правому боку, ствол пистолета направлен вверх. Мартынов уже у барьера, но он колеблется, видя нежелание Лермонтова участвовать в поединке. До этого момента сомнений в обстоятельствах дуэли нет или почти нет.

Вопреки правилам, Лермонтов обменивается репликами с кем-то из секундантов, и это грубое нарушение дуэльных правил. Причём реплика Лермонтова носит для Мартынова оскорбительный характер, что совершенно недопустимо. В.Я.Стоюнин записывает со слов князя Васильчикова:

«Когда Лермонтову, хорошему стрелку, был сделан со стороны секунданта намёк, что он, конечно, не намерен убивать своего противника, то он и здесь отнёсся к нему с высокомерным презрением, со словами: «Стану я стрелять в такого дурака...», не думая, что были сочтены его собственные минуты».

Но вот звучит команда Глебова «Три!», и дуэль остановлена. На следствии Мартынов показал, что некоторое время ждал у барьера выстрела Лермонтова, но потом спустил курок. На вопрос о том, случилось ли у Лермонтова осечки, Мартынов ответил отрицательно. Титулярный советник князь Васильчиков показал на следствии, что Лермонтов не успел сделать своего выстрела, потому что выстрел в воздух из пистолета Лермонтова произвёл

он сам по окончании поединка, когда тот уже был ранен.

Отвечая на письменные вопросы Пятигорского окружного суда, Мартынов напишет:

«От сделанного мною выстрела он упал, — и хотя признаки жизни ещё были видны в нем, — но он уже не говорил. — Я поцеловал его и тотчас же отправился домой, полагая, что помощь может ещё подоспеть к нему во время».

Этот поцелуй совсем не похож на поцелуй Иуды. Поцелуй как бы объясняет, почему не было свидетелей насмешек Лермонтова над Мартыновым. О насмешках, послуживших причиной дуэли, известно только со слов самого Мартынова. Князь Васильчиков не был свидетелем насмешек Лермонтова над Мартыновым, что и показал на следствии. Корнет Глебов узнал о ссоре только некоторое время спустя. Генеральша Верзилина о ссоре, якобы произошедшей в её доме, понятия не имела. Друг Лермонтова Столыпин-Монго и князь Сергей Трубецкой от показаний и воспоминаний уклонились.

А вот свидетельства людей, присутствия которых обыкновенно не замечают, но на чьих глазах происходит господская жизнь. Крепостной Лермонтова Иван Соколов показал на следствии, что его барин и Мартынов обходились между собой дружески. Крепостной Мартынова Иван Смирнов заявил о том же. Кучер Мартынова Иван Козлов подтвердил их слова. Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютант Граббе удостоверил, что во время «соседственного квартирования Мартынова и Лермонтова, люди показывают, что жили они дружелюбно».

Прощальный поцелуй и дальнейшее поведение Николая Соломоновича Мартынова свидетельствуют о том, что поводом для дуэли не могла быть непримиримая вражда, что в основе дуэли лежит нечто иное. Тайны давно минувших дней трудно поддаются расшифровке, и все же ложь, как и любовь, всегда найдёт дырочку.

Князь Васильчиков, переживший остальных участников дуэли, кроме Мартынова, рассказал, что Лермонтов после команды Глебова остался неподвижен, стоял правым боком к Мартынову, защищаясь рукою и пистолетом по обычаю опытных дуэлянтов.

И. Репин. Этюд. 1886 г.

Но Мартынов стреляет и его пуля, вместо того, чтобы раздробить правый локоть Лермонтова попадает ему прямо под ребро.

Васильчиков соврал, когда говорил о том, что пистолет Лермонтова он разрядил самолично, выстрелив в воздух уже после дуэли. Однако князь Васильчиков, кстати, выпускник Дерптского университета, не чужд мрачной романтики:

«Чёрная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу».

А ещё позже князь Васильчиков расскажет уже совсем иную историю, для нас довольно странную, но для современников поэта, хорошо знавших его, вполне достоверную. И в этой достоверной истории все происходит с точностью до наоборот.

После команды Глебова «Три!» друг Лермонтова Алексей Столыпин-Монго подаёт не оговорённую условиями дуэли команду «Стреляйте! Или я разведу вас!» Лермонтов, подняв правую руку вверх, стреляет в воздух, причём стреляет первым, т.е. демонстрирует нежелание участвовать в дуэли и совершает таким образом бесчестный поступок. Вопрос: зачем же он так спешил с поединком?

Вслед за Лермонтовым стреляет Мартынов, и его пуля попадает в правый бок Лермонтова под ребро. Поскольку освидетельствование тела лекарем Баркляем-де-Толли — это единственное, чему можно верить без оговорок, то можно точно судить о последовательности событий: первым стреляет Лермонтов, Мартынов стреляет вторым.

О незамедлительных последствиях для дуэлянта, совершившего бесчестный поступок — выстрел, сделанный после команды к остановке дуэли, да ещё и в воздух, читаем в «Дуэльном кодексе» Дурасова:

494. Дуэль прекращается.

495. Секунданты противной стороны, стоящие рядом с ним, имеют право застрелить противника, совершившего нарушение.

Выстрел Мартынова спасает от бесчестия и его самого, и Лермонтова, поскольку после выстрела дуэль считается исполненной по правилам. Кроме того, выстрел Мартынова спасает от бесчестия всех остальных участников дуэли, включая Столыпина-Монго, подавшего неоговорённую условиями поединка команду. Проблема лишь в том, что Мартынов стреляет после команды об окончании дуэли.

Вот почему соучастники, принявшие участие в бесчестном поступке, дают друг другу слово не рассказывать о дуэли ничего, кроме показаний данных, на формальном следствии.

Казалось бы, конец истории.

Самоубийство Лермонтова

Суицидальные мотивы изначально присутствуют в поведении Лермонтова, но им

никогда не предавалось решающего значения. Вместо этого ищут и находят доказательство вины Мартынова или следы заговора, во главе которого стоит корнет Глебов или даже сам император Николай Павлович. Кстати, в связи с первой дуэлью Лермонтова императору приписывают максимум:

«Если бы он подрался с русским, то я знал бы, как с ним поступить, но, когда с французом, три четверти вины слагается».

Но это так, к теме пришлось. Вернёмся, однако, к подножию Машука, где Лермонтов и Мартынов стреляются из дуэльных пистолетов Лермонтова. Зачем-то он приобрёл их и постоянно возил с собой? Или на Кавказе стреляться из армейских пистолетов не *comme il faut*?

Помните, что до счета «Три!» Мартынов целил в Лермонтова. А ведь счёт в поединке идёт на секунды: команда корнета Глебова «Три!» — окончание дуэли — реплика Столыпина-Монго «Стреляйтесь! Или я разведу вас!» — небольшое замешательство противников, вызванное неоговорённой в условиях дуэли командой, — наконец, выстрел Лермонтова в воздух и ответный выстрел Мартынова в цель.

На бумаге все выглядит гладко и безупречно, и есть лишь одно слабое место: пулевое отверстие в правом боку Лермонтова. Чтобы оно там появилось, нужно чтобы правая рука с пистолетом была вытянута вверх достаточно долгое время для того, чтобы Мартынов успел оценить ситуацию, т.е. выстрел Лермонтова в воздух, принять решение, снова прицелиться и спустить курок. Для того, чтобы после выстрела в воздух рука опустилась вдоль туловища, нужны доли секунды. После этого естественного движения пуля Мартынова попала бы в руку, но Лермонтов будто нарочно подставляет правый бок под прицельный выстрел противника. Зачем?

Едва ли Мартынов в тот момент мог адекватно оценить обстановку и принять единственно правильное решение. Первое, что приходит на ум: он действует автоматически как будто по заранее намеченному плану. Так был ли план?

Кое-что проясняет дуэль Лермонтова с Эрнестом де Барантом. Положение в обществе де Баранта совпадает с положением Дантеса, оба французы, оба сыновья дипломатов, но до Дантеса уже не дотянуться. Поединок с де Барантом состоялся на рассвете 18 февраля 1840 года за Чёрной речкой на Парголовской дороге довольно близко к тому месту, где стрелялись Пушкин и Дантес. Кроме того, Лермонтов и де Барант стреляются из той же дуэльной пары пистолетов, из которой был убит Пушкин.

К моменту дуэли с де Барантом Лермонтов как будто ещё не выбрал между мезьей и суицидом. В страстном желании мести нас убеждает эпиграф к знаменитому стихотворению «Смерть поэта»,

взятый из неопубликованной рукописи А.А.Жандра и представляющий собой вольный перевод из первого акта пьесы Жана Ротру «Венцеслав»:

Отмщенье, государь, отмщенье!

Паду к ногам твоим:

Будь справедлив и накажи убийцу,

Чтоб казнь его в позднейшие века

Твой правый суд потомству возвестила,

Чтоб видели злодеи в ней пример.

Мощным источником суицидального мотива для Лермонтова могло послужить единственное извещение о смерти Пушкина, напечатанное в пятом номере «Литературных прибавлений», автором которого был редактор журнала Владимир Фёдорович Одоевский:

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сём не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! к этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января 2 ч. 45 м. пополудни».

Не исключено, что для Лермонтова извещение стало чем-то вроде оракула, указывающего русскому поэту кратчайший путь к земной славе, а именно — быть убиту на дуэли иностранцем. Жизнь других поэтов после смерти Пушкина — это пожизненное прозябание в его тени. Смерть от рук иностранца, прибывшего в Россию «на ловлю счастья и чинов», немедленно делает Лермонтова подобным, если не равным Пушкину. Вот почему Лермонтов ищет ссоры с де Барантом, но, оказавшись с ним лицом к лицу, не может сделать однозначный выбор между мезьей и самоубийством.

В наличии плана меня убеждает история поединка двух персонажей из повести Лермонтова «Герой нашего времени». Поэт моделирует дуэль с заранее определённым смертельным исходом. Пересказывать бессмысленно, поэтому три длинных цитаты:

«Драгунский капитан, разгорячённый вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

Дуэль Лермонтова и Мартынова

— Господа! — сказал он, — это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! (...) Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерётся к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Погодите; вот в этом-то и штука... Вызовет на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия — будет как можно торжественнее и ужаснее, — я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит — на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано! согласны! почему же нет? — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

(...) после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «Хорошо, я согласен»».

И это уже не шутка: компания затевает бесчестный поступок — потешную дуэль с целью унижить и обесчестить Печорина. Из шести видов дуэли на пистолетах выбран третий «Дуэль на месте с последовательными выстрелами». При нормальном течении обстоятельств стреляются минимум на 15 шагах, а право первого выстрела определяется исключительно по жребию. Шутники из повести местом дуэли выбирают скалу и барьер на шести (!) шагах, и уж тут-то промах никак невозможен.

Печорин, знающий о проказе драгунского капитана и согласии на бесчестный поступок Грушницкого, внезапно ужесточает условия поединка: стреляться на шести шагах, но стоя на краю скалы, чтобы при малейшем ранении противник упал бы с высоты и разбился. Доктор удалит пулю и таким образом скоростижную смерть можно будет объяснить неудачным прыжком. И вот что в этот момент происходит с Грушницким:

«Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою мезьей, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте».

Как видим, сам Лермонтов отлично осведомлён в последствиях бесчестного поведения на дуэли и последствиях первого выстрела в воздух. И вот что в повести происходит дальше:

«— Вы счастливы, — сказал я Грушницкому, — вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьёте, то я не промахнусь — даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что

он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

— Пора! — шепнул мне доктор, дёргая за рукав, — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку, — вы все испортили; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...»

Должно быть, современники поэта читали это место в повести, которая вышла отдельным изданием за год до смерти поэта, с чувством величайшего недоумения: условия дуэли чудовищны своей жестокостью, противники, которым положено во время поединка молчать, обмениваются репликами, один стыдит другого, оба пререкаются с секундантами и т.д. Все участники дуэли ведут себя бесчестно, включая Печорина и доктора.

Однако вот что действительно любопытно: повесть имеет внутреннее деление по датам. Последняя указанная дата — 16 июня. Ссора происходит 15 июня, а Печорин и Грушницкий стреляются 17 июня близ Кисловодска. Сам Лермонтов стреляется с Мартыновым 15 июля близ Пятигорска. Обе даты приведены по Юлианскому календарю (старому стилю) и находятся в такой близости, что объяснить это простым совпадением довольно сложно.

Остаётся теперь только объяснить тягу Лермонтова к самоубийству. Раскроем комментарии Михаила Зощенко к повести «Возвращённая молодость»:

«Автор хочет этим сказать, что случайной смерти как бы не существует. Даже насильственная смерть, скажем, дуэль и смерть Лермонтова, скорее похожа на самоубийство, чем на случайную гибель».

Зощенко не был знаком с материалами следствия по делу о дуэли Лермонтова и Мартынова, но интуитивно он понимал, что в самом поединке скрывается какая-то тайна, выворачивающая коллизию наизнанку. И тут же писатель проводит параллель со смертью Пушкина:

«Дуэль и смерть Пушкина также в какой-то мере напоминает самоубийство или желание этого, может быть, даже и не доведённое до порога сознания. Во всяком случае, если проследить все поведение поэта за последние три-четыре года жизни, то это соображение покажется правильным. Достаточно сказать, что Пушкин за последние полтора года своей жизни сделал три вызова на дуэль. (...) Настроение искало объект».

Настроение Лермонтова «искало объект» и нашло его в лице Мартынова, если, конечно, между Лермонтовым и Мартыновым не было изначального сговора. Только сговором можно объяснить колебания Мартынова между командами «два» и «три». После угрозы Столыпина-Монго Лермонтов стреляет в воздух, чтобы подстегнуть Мартынова к действию. Затем наступает роковая развязка, в которой Мартынов — объект — становится орудием самоубийства Лермонтова. Сговор объясняет и «ссору» в доме генеральши Верзилиной, свидетелей которой следствие не установило, и формальный вызов на дуэль, свидетелей которому не нашлось, и прощальный поцелуй Мартынова, и грех убийства, который он замаливал до самой смерти.

К моменту дуэли с Мартыновым Лермонтов уже является автором огромного творческого наследия, включающего в себя и поэзию, и прозу, и драматургию, и даже живопись. Из стихов и прозы практически ничего не опубликовано при жизни поэта. Лермонтов по-прежнему автор одного стихотворения — «Смерть поэта», которое разошлось по России в рукописных списках. Конечно, слава, но не о такой он мечтает. Существует такое мнение, что останься он жив, то ничего существенного прибавить к уже написанному он бы просто не смог.

Так что план, если он был, сработал великолепно: честь дворянина осталась незамаранной, формально удалось избежать греха самоубийства, наконец, отчасти повторив судьбу Пушкина, Лермонтов стал вторым после него русским поэтом. Можно сказать, что солнце Лермонтова с его смертью не закатилось печально на небосклоне российской словесности, а стремительно возшло.

Николай Мартынов

ВЕЭБЕР НАТАЛЬЯ

Слёзы Машука

Лесистый бархатный Машук.
Покатый склон на небосводе.
Веками гордо ты стоишь
Созвучно девственной природе.

Мирская жизнь толпы людской
Тебя ничуть не поражает
И равнодушным оставляет.
Но тот июльский жаркий день
Запечатлен тобой навеки.

Нелепый выстрел на рассвете.
Смертельно раненый поэт
Навзничь упал в твои ладони.
Раздался гром, и небо стонет,
А вместе с небом стонешь ты,
Глядя на бледные черты.

Поэта сердца молодого
Услышал ты последний стук.
Как тяжело тебе, Машук!
Рыдаешь ты от этой боли.
И слезы, смытые дождем,
Коснулись русского поэта,
Едва накрытого плащом.

А за тобой,
узнав о смерти роковой
В рассветной сини,
Заплакала о гении своем
Его любимая «немая Россия».

Пятигорск. 1987 г.